

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

КОНЦЕПЦИЯ ЛЮБВИ В ЛИРИКЕ БЕЛГОРОДЧИНЫ РУБЕЖА XX – XXI ВЕКОВ

Выпускная квалификационная работа
обучающейся по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Русский язык и литература
заочной формы обучения, 02031355 группы
Гавшиной Екатерины Викторовны

Научный руководитель
кандидат филологических наук,
доцент Жиленков А.И.

БЕЛГОРОД 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Образ лирического героя в поэзии белгородских писателей...	15
1.1. Герой-патриот как основной тип лирического героя в творчестве И.А. Чернухина.....	16
1.2. Герой-гражданин как основной тип лирического героя в творчестве В.Е. Молчанова.....	25
1.3. Духовное лицо как основной тип лирического героя в творчестве И. Кобелева.....	31
Глава II. Содержание концепции любви в поэзии белгородских писателей	39
2.1. Патриотическое (история и современность) содержание концепции любви в творчестве И.А. Чернухина.....	39
2.2. Гражданское содержание концепции любви в творчестве В.Е. Молчанова.....	47
2.3. Духовное содержание концепции любви в творчестве И. Кобелева.....	54
Глава III. Жанровые формы воплощения концепции любви в поэзии белгородских писателей	63
3.1. Баллада как особая форма воплощения концепции любви в творчестве И.А. Чернухина.....	64
3.2. Лирическое стихотворение как форма воплощения гражданской тематики в творчестве В.Е. Молчанова.....	71
3.3. Формы воплощения духовной любви в поэзии И. Кобелева.....	77
Заключение	85
Список литературы	89
Приложение	94

ВВЕДЕНИЕ

Тема любви является одной из центральных тем поэзии с древнейших времен и до наших дней. Поэтическое наследие белгородских авторов пронизано мотивами любви: к Богу, к Родине, к человеку, что становится содержанием лирики духовной, патриотической и интимной.

В данной работе исследуются мотивы любовной лирики, составляющие концепцию любви в творчестве поэтов Белогорья.

Целью работы является анализ концепции любви в лирике белгородских поэтов.

Исходя из поставленной цели, сформулируем **задачи** дипломной работы, которые состоят в следующем:

- рассмотреть образ лирического героя, с мировоззрением и психологией которого, прежде всего, связаны любовные переживания;
- проанализировать само содержание концепции любви в поэзии белгородских писателей;
- исследовать жанровые формы воплощения концепции любви в творчестве белгородских авторов.

Предметом анализа является творчество В.Е. Молчанова, И.А.Чернухина, протоиерея Игоря Кобелева. Выбор этих авторов обусловлен тем, что они получили высокую оценку в своем профессиональном цехе поэтов, а также наиболее полным и ярким выражением концепции любви, в каждом случае самобытно воплощенной, но так или иначе состоящей из трех граней – любви к Богу, к Родине, к человеку.

Объектом изучения является исторически изменяющаяся совокупность представлений о любви, воплощенная в лирических формах – концепция любви в творчестве белгородских поэтов – И.А.Чернухина, В.Е. Молчанова, И. Кобелева.

Литература с самого начала своего становления определила любовь, «чувство, соответствующее отношениям общности и близости между людьми, основанным на их взаимной заинтересованности и склонности» [Шталь 1977: 162], одним из главных предметов творческого осмысления. Произведения белгородских писателей привлекательны для нас тем, что концепция любви обрела в них, на наш взгляд, органичную и самобытную форму.

Определение предмета исследования в качестве «концепции», а не «темы» объясняется глубинным более объемлющим смыслом первого понятия, предполагающим рассмотрение не только «главной мысли литературного произведения» (определение «темы»), но всей системы взглядов, того или иного понимания явлений и процессов, воплощенных в художественном мироосмыслении поэта, в пределах которого совершаются такие события, как появление качественно нового героя, человека и гражданина; познание частной жизни человека; открытие сложного мира человеческих чувств.

Исследование белгородской лирики на сегодняшний день является актуальной проблемой в литературоведении. Это обусловлено несколькими причинами:

- возросшим в последние годы интересом к изучению региональных литератур, сделавшим литературное краеведение одним из перспективных направлений в современном литературоведении;
- не исследованностью лирики белгородских поэтов с позиции научного литературоведческого анализа;
- ограниченностью и субъективностью характеристик лирики белгородских поэтов в предисловиях и вступительных статьях к сборникам.

Концепция любви в творчестве белгородских поэтов сводится к эстетически воплощенному пониманию этического феномена любви, единому в содержательной основе и разнообразному в способах выражения,

обусловленному социальными, культурными особенностями региона и формировавшегося в общем русле истории России.

Таким образом, на сегодняшний день очевидна необходимость в исследовании лирики белгородских поэтов. Творческий метод, авторская позиция, доминирующие мотивы и концепты, образная система и изобразительно-выразительные средства конкретных авторов составляют важнейшие аспекты исследования и открывают совершенно новую страницу литературоведческого направления краеведения Белгородчины, что и обуславливает **актуальность** выпускной квалификационной работы.

Владимир Ефимович Молчанов родился 9 февраля 1947 года в станице Ильской на Кубани. Детство и школьные годы прошли на Белгородчине, в селе Новая Таволжанка Шебекинского района. Окончил Белгородское музыкальное училище и Воронежский государственный университет. С 1990 года является членом Союза писателей России. Также В.Е.Молчанов член Союза журналистов России, лауреат премии Белгородского комсомола, заслуженный работник культуры Российской Федерации. В.Е.Молчанов является автором семи книг стихотворений, поэм и переводов, вышедших с 1980 по 2012 годы.

Сборник 1980 года «Сирень» включает, в основном, стихотворения патриотического характера, также в нем мы видим начало формирования интимной линии в лирике данного автора. В.Е. Молчанов предстает здесь в роли певца родных просторов. В его стихотворениях воспето Белогорье – природа, люди, знаменательные события.

Сборник 1992 года «Подснежники» включает в себя часть стихотворений, опубликованных ранее в «Сирени», книгах «Родство» (1984 год), «Минута тишины» (1988 год), а также стихотворения разных лет, не вошедшие ранее в отдельные книги и сборники. В «Подснежниках» В.Е.Молчанов продолжает гражданскую тему, углубляет интимные мотивы, а также делает первые шаги в развитии духовной темы. Кроме того, сборник

включает в себя также работы Молчанова – переводчика украинских, удмуртских, кабардинских, грузинских и даже новогреческих поэтов.

В 1995 году в издательстве «Крестьянское дело» выходит очередной сборник поэта – «Посвящение», в котором получает мощное развитие как интимные, так и патриотические мотивы.

В 2002 году московское издательство «Академия поэзии» выпустило в свет сборник поэта «Стихотворения и поэмы. 1964 – 2000»; в нем собраны ключевые произведения за весь обозначенный период.

Сборник «Звени, осенняя строка», опубликованный в 2007 году в Белгороде, напротив, состоит из новых произведений поэта, в большинстве нигде ранее не публиковавшихся, но с сохранением важных для поэта тем, мотивов и образов.

Статья, предваряющая сборник «Стихотворения и поэмы. 1964 – 2000» (Белгород, 2002 год), озаглавлена цитатой «Учись у них – у дуба, у березы...». Автором статьи является коллега по перу В.Е.Молчанова – Федор Сухов, который сосредотачивает внимание не на анализе поэтических тенденций в творчестве В.Е.Молчанова, а ограничивается в основном личными впечатлениями: «Мне нравятся последние две строки, они дают ощущение степного простора, того простора, который так хорошо знаком жителям Белгородской и Курской областей...». Завершается статья пожеланием: «Хочется, чтобы автора этих строк никогда не покидала тревога, особенно – за чистую русскую речь...» [Чернухин 2006: 6].

В сборнике «Звени, осенняя строка...» (Белгород, 2007 год) в качестве предисловия помещена статья заведующего отделом поэзии и критики журнала «Наш современник» Сергея Куняева «Сквозь годы печалей, сомнений и бед...», в которой автор предлагает свое видение поэтического творчества В.Е.Молчанова, сводимое к личностным характеристикам самого поэта. Начав статью с рассуждений об утрате единого культурного пространства и необходимости его возрождения, С. Куняев дает почти художественную характеристику В.Е. Молчанову: «Он обладает той

первородной простотой восприятия, от которой уже отвыкли многие пишущие стихи, «слова в простоте не говорящие». Все в его стихах по-человечески, все естественно, все органично, и эта естественность особенно щемящее отзывается в читательской душе <...> Впечатляет печально-просветленное восприятие быстротекущего времени, когда оглянуться не успеешь – и жизнь прошла, и – обернулась, словно солнечный коловорот, и утешает смертного человека на каждом своем повороте, а он вслушивается в шум времени и понимает, что смерти нет» [Чернухин 2003: 6].

Обращает на себя внимание мнение С. Куняева о любовной лирике В.Е.Молчанова: «Столь же просветленна молчановская любовная лирика, драматичная и лишенная всего ненужного – надрыва, себялюбия, эгоистичных претензий. Драматизм ее – именно в ощущении невечности длящегося счастья – но и «расставанье» – не разлука. А разлука – не беда». Ибо все возвратимо. Возвращает милосердная природа, для которой нет ни приобретений, ни потерь – и в ощущении этого возврата больше горечи и света, чем в собственных любовных переживаниях» [Там же: 7].

Конечно, статьи Ф. Сухова и С. Куняева не претендуют на литературоведческий анализ. Литературно-критический подход к творчеству Молчанова предпринят литературоведом И.И. Кулаковой, статья которой «Версификация не нуждается в таланте и вдохновении» была опубликована в альманахе «Белые кручи» (№1, 2006 год). Ею дается в целом негативная оценка поэзии В.Е. Молчанова, «Стихотворений и поэм. 1964 – 2000»: «Читая первые стихи сборника, начинаешь сомневаться, что перед тобой — избранное поэта, настолько стенгазетно и школьно звучат «Березка, родная березка...», «Первый снег», «Березка», «Дуб». Может быть, включая эти первые поэтические опыты в итоговую книгу стихотворений, поэт стремился продемонстрировать читателю динамику своего роста, эволюцию своего профессионального мастерства?» [Кулакова 2006: www]. И.И. Кулакова упрекает поэта в заимствовании мотивов у классиков русской поэзии, мастеров пейзажной и патриотической лирики: «...основная тема лирики

Молчанова – природа; причем пейзажи, им нарисованные, не абстрактные, чужие, нездешние, экзотические, а наши, родные, белгородские. Что в этом может не нравиться? Банальность, вторичность, ощущение, что уже читал такое, подобное... И порой оказывается, что читал-то ты не только раньше, у другого поэта, но и в этом поэтическом томе уже встречался с теми же образами и чувствами, присутствующими в стихотворениях Молчанова, но в каком-то приглушенно-приглаженном варианте, когда и не понимаешь, как их расценивать: как великую сдержанность или обыкновенную неспособность чувствовать» [Кулакова 2006: www].

Отмечается также и «вторичность» интимной лирики поэта: «Мы найдем у него любовную лирику (весьма заурядную – в рамках осмеянной еще Маяковским коллизии: «разлюбила – уплыла»), зарисовки быта (привлекательные воспетыми Лермонтовым «топаньем и свистом пьяных мужичков»), несколько сетований на изменившиеся нравы деревни (в частности – мини-поэма «Баян»), традиционные (опять такие узнаваемые – уже читала!) ламентации по поводу утраты прошлого, потери самой России, ложно-пафосные и датируемые 1991 – 1993 годами» [Кулакова 2006: www].

В итоге литературовед делает радикальный вывод о творчестве В.Е. Молчанова: «Поэт Владимир Молчанов, по всей видимости, излишне рано выпустил такой объемный том своих творений, избранное из него могло бы составить поэтический сборник. Многословность же данного издания страдает отсутствием главного в любом творчестве, тем более дящемся с 1964 по 2000 год, – некоей концепции, идеи, объединяющей стихи и поэмы разных лет и разных тем. Не видно, к сожалению, крупной и самобытной личности поэта, ради труда поэтического оставившего свое село, снявшегося с земли, осваивающего чужеродные ему «города» <...> И, быть может, нечеткость, размытость впечатлений и есть реальность, прочитываемая между строк? И свидетельствует она о маргинальности (пограничности) сознания поэта, глубоко чувствующего свой собственный разлад с самим собой, но продолжающего этот разлад углублять» [Кулакова 2006: www].

Все же категоричность мнения критика, на наш взгляд, спорна. Сборник 2002 года представляет, в целом, выразительную иллюстрацию становления творческой индивидуальности поэта, развитие его творческого метода, а сборник 2007 года завершает становление и утверждает такую, какая сложилась, авторскую индивидуальность В.Е. Молчанова.

Поэт старшего поколения – Игорь Андреевич Чернухин. Родился в 1930 году в поселке Томаровка Белгородской области. Выпускник литературного института им. Горького. Член Союза писателей СССР, а затем и России. Лауреат литературных премий Белгородского комсомола и «Прохоровское поле». Стихотворения Игоря Чернухина известны не только белгородским читателям. Они приобрели известность в России и за рубежом, переводились на украинский, белорусский, литовский, болгарский, немецкий языки.

В сборнике 1965 года «Горизонт» представлена преимущественно патриотическая тематика, лирические размышления автора о работе, творчестве, счастье. Книга имеет подзаголовок «Костры памяти», что указывает на глубинный замысел – освежить кострами памяти историю Родины, военное лихолетье.

Тема Великой Отечественной войны получила свое дальнейшее развитие в сборнике 1976 года «Берег памяти», где военная тематика становится лейтмотивом. Автор восстанавливает в памяти события Великой Отечественной войны, прошлого (стихотворение «Половецкое поле»), а также посвящение великой исторической личности – Сальери (стихотворение «Сальери»).

Сборник 1978 года «Дни», вышедший в Москве в серии «Новинки «Современника», содержит в себе стихотворения преимущественно патриотической, пейзажной лирики, а книга стихов «Поющая ветка» 1987 года (Воронеж) обновляет тематику поэтическими воспоминаниями о Великой Отечественной войне, о Прохоровском танковом сражении на Курской дуге, об освобождении Белгорода.

Главная тема стихотворений в сборнике 1990 года «Трава под снегом» – красота и величие родных просторов Белогорья.

Закономерно, что в 1992 году отдельным изданием выходит поэма И.А.Чернухина «Бел-город», в которой восстанавливается история края.

Книга «Поздний дождь» 1994 года развивает традиционную для поэта тематику. Новизну вносят стихотворения религиозного содержания, особенно концентрированно представленные в авторском сборнике 1999 года «Земное время», которые дают почувствовать глубину религиозных переживаний поэта в лирической тональности рассказов о его вере.

Вышедшие в 2003 году сборники И.А. Чернухина – «Мозаика века» и «Стихотворения. Баллады. Поэмы» включают в себя традиционные в жанровом смысле лирические стихотворения поэта и относительно новые в творчестве автора лиро-эпические жанры – баллады и поэмы. Баллада трансформируется в соответствии с индивидуальным методом Чернухина и применяется для раскрытия патриотической, интимной, духовной тематики, для выражения философических размышлений, в том числе и на тему поэта и поэзии.

2003 год ознаменован выходом отдельного издания поэмы «Третье поле», посвященной героическим событиям сражения на Прохоровском поле в 1943 году.

Книга «Город надежды» 2006 года объединяет стихотворения сборников «Выбор», «Флейта в июле», «Огонь покаянный», «Песни Белогорья», а также поэму «Бел-город».

И, наконец, последняя изданная книга «Долина» 2009 года уже в структуре отражает тематику, в трех частях: «Сполохи», «Любовь» и «За холмом» – соответственно историко-патриотическое, интимное и пейзажное направления в лирике поэта.

Поэзия И.А. Чернухина также еще не становилась предметом научного исследования и должного критического осмысления. Вступительная статья поэта Леонида Малкина «Поэзия и жизнь», помещенная в качестве

предисловия к сборнику 2003 года «Стихотворения. Баллады. Поэмы» выглядит скорее как биографическая справка, чем литературоведческий анализ.

Автор статьи лишь намечает основную тему поэзии И.А. Чернухина: «С его пера стекали баллады, стансы, поэмы лирические стихотворения <...>. Столь же разнообразна, как и форма стихотворений, их тематика. Игоря Чернухина интересует все, что заслуживает внимания нормального любителя поэзии. В его стихах – любовь, труд, война и мир, экскурсии в далекие дни российской истории, во времена становления Российского государства» [Чернухин 1976: 9]. Особо Л.Малкин подчеркивает значимость военной темы: «Военная тема пронизывает все творчество Чернухина» [Там же: 14].

Уже в предисловии к сборнику «Мозаика века», включившего в себя одноименную поэму и ряд стихотворений, Л. Малкин заинтересованно характеризует поэму: «Автор стремится сделать своего читателя свидетелем и соучастником исторических событий, как можно более приблизить эти события к кругу интересов своего современника. Именно поэтому главным героем поэмы он сделал Семью, Род, Клан Чернухиных от далеких прапрадочей и до дорогой ему внучки Катюши. Вся поэма – душевный стон о человеке, который вынужден противостоять историческим катаклизмам, выпавшим на долю страны и ее народа» [Малкин 2003: 5].

Указывает Л. Малкин и на основные жанры, важнейшие мотивы поэзии И.А. Чернухина, кратко характеризует авторский замысел при создании поэмы «Мозаика века».

И.А.Чернухин полнее всех выразил в своем творчестве перелом двух эпох, который был столь кризисным для нашего государства, но плодотворным для поэзии, поскольку обогатил ее новыми темами и образами. Культ гражданственности – самая характерная черта его поэзии. Общественная тема уравнивается частной темой; более того, и внутри этих тем И.А. Чернухин избегает крайностей. Пройдя суровую школу ГУЛАГа, он все же не испытывает ненависти к государственному режиму,

что находит отражение в ряде его стихотворений (см. «Жарким летом 1951 года»). Страшные годы войны, пришедшиеся на его детство, поэт расценивает как величайшую трагедию Родины, но и видит в них школу жизни, сформировавшую характер и мировоззрение целого поколения, научившую бороться со смертью.

Преодолеть смерть человек, по убеждению поэта, может лишь в высшем проявлении своего духа – в гражданственности. Поэтому лучшие стихотворения И.А. Чернухина посвящены прославлению Родины, утверждению патриотических чувств, дарующих поэту и гражданину бессмертие. Концепция любви в поэзии И.А. Чернухина воплощается в балладной лирической форме с гражданственным и философским содержанием.

Представитель «младшего поколения» белгородских поэтов – протоиерей Игорь Кобелев родился в 1969 году в поселке Кшенский Курской области. С 1986 по 1993 годы учился на факультете журналистики Воронежского государственного университета. Годы учебы прерывались службой в армии (1987 – 1989 годы). В 1994 году был рукоположен в сан священника, служил сначала в селе Журавка (1994-1995 годы), затем – в селе Вязовое (1995 – 1996 годы). С 1996 года и по наши дни является клириком Николо-Иоасафовского собора города Белгорода, руководителем пресс-службы Белгородской и Старооскольской епархии, участником миссионерских экспедиций. Поэтическим творчеством занимается с 1982 года, став с 2002 года членом Союза журналистов и с 2005 года Союза писателей России. К настоящему времени им издано три сборника стихотворений.

Анализ творчества И. Кобелева также ограничивается предисловиями и статьями. Вступительная статья Натальи Дроздовой, предваряющая поэтический сборник И. Кобелева «На рубеже», содержит в основном эмоциональную реакцию белгородской поэтессы, впрочем, немного одобренную научной терминологией, характеризующей образность и стиль

стихотворений: «Внешний вид образной системы произведений отца Игоря настолько пестрый, нарядный, стилистика и характеры настолько разные, что не перестаешь удивляться, как это все могло быть написано одним автором» [Дроздова 2011: 7], – пишет Н.В.Дроздова. Предисловие лапидарно, экспрессивно-эмоционально, может быть обозначено попыткой, первым шагом в осмыслении творчества И.Кобелева.

Непосредственность и экспрессия, с которыми И. Кобелев рассказывает о своих душевных переживаниях, не имеют аналогов во всей поэзии Белогорья.

В стихотворениях, посвященных духовным лицам, церковным праздникам, посещениям святынь, отражены основные этапы становления личности православного священника, составившие характер лирического героя. Именно любовь к Богу вдохновила И. Кобелева на создание лирических стихов.

Внеся в трактовку традиционного жанра сонета публицистическое начало, И. Кобелев существенно преобразовал эту поэтическую форму. В то время как у средневековых поэтов основной темой была любовь интимная, И. Кобелев трансформирует сонетную форму, вкладывая новое содержание, делая главной своей темой – любовь духовную.

Естественность и непринужденность поэзии И. Кобелева – это результат упорной и вдумчивой работы поэта над формой и слогом. Для достижения нужного эффекта автор использует все доступные ему средства. Его стилистическая палитра необычайно разнообразна и часто представляет собой причудливое смешение патетики, иронии, лиричности. Стихи И. Кобелева то задушевные, то драматичны. В его поэзии обороты высокого, церковно-славянского стиля соседствуют с незатейливыми, почти разговорными конструкциями.

Любое состояние души находит у И. Кобелева соответствующее выражение, точно передающее его чувства. Этого не могли не заметить современники поэта. Концепция любви обрела у И. Кобелева лирическую

форму с социально-религиозным, зачастую драматически напряженным содержанием.

Теоретико-методологической основой работы являются труды С.С. Аверенцева, Д.С. Лихачева, М.М. Бахтина, О.М. Фрейденберг, Л.Я. Гинзбург, С.Н. Бройтмана, Н.Д. Тмарченко.

Методология. Отмеченные факты творческих биографий и являются составляющими аспектами главной проблемы работы, сформулированной как «исследование концепции любви», и методологически осмысливаемой с позиции *биографического, типологического*, нацеленного на выявление типологии лирического героя и форм воплощения концепции любви; *сравнительно-исторического* (проведение параллелей в творчестве белгородских поэтов и представителей русской литературы), но прежде всего с точки зрения *историко-генетического* метода, позволяющего рассмотреть литературное явление в его многоаспектных связях с эпохой.

Апробация результатов исследования проходила на Международном молодежном научном форуме «Белгородский диалог – 2019» (НИУ «БелГУ», апрель 2019 года).

Структура. Выпускная квалификационная работа состоит из Введения, трех глав, Заключение, Списка литературы и Приложения, в котором представлена методическая разработка внеклассного мероприятия по литературе о жизни и творчестве Белгородского поэта Игоря Андреевича Чернухина.

ГЛАВА I.

ОБРАЗ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ПОЭЗИИ БЕЛГОРОДСКИЙ ПИСАТЕЛЕЙ

Жанровый автор в лирике уже в начале XIX века был сменен таким носителем высказывания, которого нельзя было отождествить с реальным автором-человеком. В начале XX века он был назван «лирическим я» (И. Анненский, М. Зусман), а его разновидность стала именоваться «лирическим героем» (Ю. Тынянов, Л. Гинзбург). «Под лирическим «я» понимают не биографическое «я» поэта, а ту форму или тот художественный образ, который он создает из своей непосредственно данной личности» [Бройтман 2001: 293].

Л.Я. Гинзбург, объясняя понятие лирического героя, лирического «я», подчеркивала «не надличностную, а межличностную его природу» [Гинзбург 1979: 122]. В лирическом «я» воплощено двуединство «я» и «другого», автора-творца и героя. Это не традиционно понятый автор, но и не объективированный эпический герой, а нераздельность и неслиянность автора с героем, некая межсубъектная по своей природе целостность.

В классической лирике такое «я» еще было представлено как субъективное и внутреннее, но в XX веке оно обнаружило свою многосубъектность. Трансформации лирического «я» привели к радикальному изменению понятия «субъективность», которую мы привыкли связывать с лирикой.

Образ лирического героя в лирике белгородских поэтов рассматривается в сравнительно-типологическом аспекте, при этом выявляется ведущий, максимально обобщенный, образ лирического героя, типичный для творчества каждого из анализируемых нами поэтов. Необходимо отметить условность использования понятий тип «герой-патриот», тип «герой-гражданин» и тип «духовное лицо», так как они

означают лишь ведущие качества образа лирического героя, за которыми должно увидеть иные черты, характерные для этих образов.

1.1. Герой-патриот как основной тип лирического героя в творчестве И.А. Чернухина

Герой лирики И.А. Чернухина – это патриот России. Любовь лирического героя к Родине чувствуется в каждом стихотворении. Он готов страдать за свою страну, готов терпеть политические катаклизмы, встать с оружием на ее защиту, он никогда не изменит Родине. При этом образ лирического героя поэзии И.А. Чернухина не является статичным. Это фигура с годами развивающаяся и совершенствующаяся морально. Поэтическое наследие данного автора – это иллюстрация эволюции образа его лирического героя.

Основу поэзии Чернухина составляет мощное биографическое начало. Творчество этого автора стоит на пересечении довоенного и послевоенного времени СССР. Перекрестки времен рождают и образ «дитя войны», и молодого представителя послевоенного времени, и «политически опасное» лицо, героя, прошедшего страшную школу выживания в ГУЛАГе, но сохранившего, несмотря на все жизненные катаклизмы, лицо «человеческое». Однако же, каким бы многообразным ни был ряд образов-ликов поэзии И.А. Чернухина, его лирический герой прежде всего остается патриотом во всех ипостасях.

Тяжелая политическая атмосфера военного детства и послевоенных лет оставила свой след в мировоззрении поэта, а, следовательно, отразилась и в мирозерцании его лирического героя. В поэзии И.А. Чернухина мы видим мировоззрение советского гражданина, но его взгляды на жизнь, на государство и общество не вполне типичны. Неразделимость Родины и государства, бывшая идеологической установкой советской культуры (в том числе, и поэзии) практически разрушается в творчестве поэта. Его лирический герой отождествляет себя как неотделимую часть Родины. Он –

патриот Родины, но не СССР с его деспотичным, «бывшим по рукам» творческой интеллигенции XX века режимом. Неслучайно одним из воплощений образа его героя является лагерный заключенный.

В стихотворении «Жарким летом 1951 года» даны воспоминания лирического героя о гулаговской лагерной жизни. Герой здесь – человек с тяжелой судьбой, прошедший лагерные мытарства, претерпевший множество лишений, выполнявший невыносимо тяжелые работы в казахских степях, но все же не сломавшийся и не изменивший Родине.

Начинается стихотворение с описания рабского труда: «За работой померк птичий щебет, / Приутихла по родине боль... / Черный камень колю я на щебень, / Опустившись в глубокий забой. / Молот мой, хоть тяжелый, но меткий. / Бьет и бьет... Сатанеет жара. / А потом я грузу вагонетки, / Тяжело и качу на гора» [Чернухин 1976: 65].

Однако же герой И.А. Чернухина даже в таких нечеловеческих условиях остается цельным человеком. Его не сломили трудности лагерной жизни: «Ты катись выше, злая судьбина! – / Я подставлю худое плечо, – / Нет, души ты во мне не убила. / Обожгла лишь ее горячо» [Там же].

Злая судьбина – это не только каторжная работа, но еще и осознание практически рабского положения лирического героя. Освободиться для него – не только отсидеть свой срок, но еще избавиться от этого страшного чувства. Герой не понимает невозможности такого развития. Ведь он катит свою вагонетку и как бы идет к свободе. Она его извечная мечта: «И опять я качу вагонетки / За судьбою и волей своей» [Там же: 66].

В этом стихотворении предстает не просто заключенный, отбывающий срок в исправительно-трудовом лагере, а человек сильный духом, закаленная испытаниями личность. Трудности делают его только сильнее. Не убивают, а лишь ожесточают.

Помимо страданий человека, несмотря ни на что сохранившего в сердце любовь к Родине, обнаруживаются и диссидентски-обличительные мотивы по отношению к господствующему в стране политическому режиму.

Однако ж, диссидентство героя вовсе не делает мизантропом или бунтовщиком. Любовь к Родине такой, какая она есть, являет собой высшую меру патриотизма И.А.Чернухина.

В стихотворениях, описывающих историческое прошлое России, наблюдается эволюция образа лирического героя – патриота.

Стихотворение «Память» представляет собой размышление о страшных днях половецкого нашествия на Русь, передает боль за родную землю, за ее трагическое прошлое.

Стихотворение начинается с обращения лирического героя к собственным воспоминаниям: «Когда я брожу по священным / Местам за старинной рекой – / Во мне происходит смещение / Далеким и близких веков. / О недругов жгучая ярость, / Ты память во мне укрепи...» [Чернухин 2003: 233].

Вместе с Россией переживаются трагические моменты истории. Он видит, чувствует, осязает все то, что некогда происходило на том самом берегу реки, где он сейчас бродит: «Я вижу сквозь дали пожары, / Пожары над Русью в степи. / Я слышу табунное ржанье / Степных кобылиц по ночам, / И пленных славянок рыданье, / И бойкую речь половчан. / Я чувствую запах полыни / И гарь пригоревших кусков / Тяжелой и сладкой конины / На синем жару угольков» [Там же].

Видение столь осязаемо, что почти физически ощущается состояние героя, так сильно он переживает страдания соотечественников, память о страшных событиях истории, и вместе с тем его сердце переполняет любовь к родному краю.

Уголок родной земли, где оказывается герой, видится вполне мирным, но затаившаяся в степи тишина хранит тяжелую память: «...Рукой отстраняю видений / Тяжелую, мрачную цепь, / И тьма надо мою редет – / Покойна и солнечна степь. / Алеют цветы у курганов, / И травы шумят, как прибой... / Пропали, как не были, ханы, / Растаяли в дымке степной. / Лишь

ветер, как всадник, со свистом / Промчится и сгинет вдали... / И долго дорога пылится, / И долго звенят ковыли...» [Там же].

Ощущение боли за родную землю, несомненно, является чертой лирического героя, умение передать это ощущение – свидетельство таланта мастера.

В стихотворениях, объединенных названием «Половецкое поле» повествуется о далеких временах Киевской Руси и показывается русский князь, готовый дать отпор половцам: «– Так вот оно какое, Порубежье!.. / Князь осадил строптивного коня. / Зеленым морем, вольным и безбрежным, / Сверкала степь посередине дня» [Чернухин 2003: 234]. Несомненно, идейное содержание и образный строй навеяны поэту величайшим памятником древнерусской поэзии «Словом о полку Игореве».

Наваторски нешаблонно в данном стихотворении решен диалог князя и его сотского: «– Земля такая щедрая здесь, княже! / Брось горсть зерна – и зашумят хлеба... / – Ты, сотский, прав... / Здесь мертвый камень даже и тот цветет... / Земля эта – судьба... / Хотел коней я повернуть, но краше / За эту землю, други, в землю лечь!.. / Пусть осенят ее хоругви наши, / И русский щит, и грозный русский меч» [Там же].

Князь проявляет высшую степень патриотизма: он готов умереть, только чтобы на обзреваемом им поле могли зреть хлеба, чтоб его не топтали ноги захватчиков. Князь решительно настроен бороться до победного конца за свободу Родины.

Автор подводит эти пейзажные картины и психологические зарисовки к логическому завершению, показывая главного героя и его помощника посредине поля: «Стояли посредине дня у поля, / На порубежной вековой меже, / И не было назад дороги боле, / И синий Дон им виделся уже» [Там же: 234-235].

Этот мотив развивается во втором стихотворении цикла, которое представляет собой рассказ очевидца страшных событий, происходивших на побережье рек Ворскла и Оскол: «Всю ночь за Ворсклой лебеди кричали, /

Свистел Овлур, тревожа сторожей. / Не спал Кончак... И молча половчане / Седлали настороженных коней» [Там же: 235]. Выстраивание поэтической фразы, намеренное введение имен и образов из арсенала «Слова...» создает великолепную художественную перспективу, обращенную вглубь истории.

Почти физически ощущается тревога лирического героя за исход этой ночи: «Впервые князь навел свои дружины / На край Руси, где ветер да ковыли, / Впервые хан, не ведавший кручины, / Почуял – дни раздольные пришли. / Не мять травы на Ворскле и Осколе, / Не пировать с друзьями у реки!.. / Уже стоят на половецком поле, / Раскинув лагерь, русские полки» [Там же].

Мастерски передается и душевная тревога половецкого хана. Он боится враждебной обстановки, которая окружает его ночью в русском поле: «...А месяц плыл, таинственный и красный, / И был, как сабля ханская, остер, / И каждый куст таил в себе опасность, / И каждый насторожен был костер. / И лебеди тревожные кричали. / Не знал Кончак [и не его вина!], / Что Русь на этом поле не кончалась, / А только начиналась здесь она» [Там же].

Финал стихотворения остается открытым, но мы посредством изображаемого автором состояния лирического героя видим торжество русских воинов над половцами.

Показывая давно ушедшее прошлое глазами своего героя, И.А. Чернухин подчеркивает величие Родины, героизм и бесстрашие своих соотечественников. Можно отметить особую роль лирического героя – поэта (в этом автобиографическое начало, пересечение образов поэта и его героя), призванного воспеть Россию, ее историческое прошлое и защитников родной земли. Поэт и его герой осознают свою особую миссию, заключающуюся в прославлении Родины.

Усиление патриотического характера лирического героя происходит в стихотворениях о Великой Отечественной войне. Особенно ярко патриотический дух отражается в изображении переживаний детей войны.

Яркой иллюстрацией здесь является стихотворение «И я, пожалуй, видел всякое...». Это воспоминание ребенка о страшном 1941-ом: «И я, пожалуй, видел всякое. / И я на трудностях мужал... / В тот год надрывно бабы плакали / По уезжающим мужьям. / А мы, пострелы босоногие, / Стесняясь чувств, стесняясь слов, / Руками маленькими трогали / Шинели новые отцов» [Чернухин 2003: 306].

И здесь нам передается скрытая боль героя, в одночасье ставшего взрослым, пусть не физически, но морально: «Мы, дети, мыкаясь по стуже, / Впервые видя смерть и кровь, / В тот год сердцами сводки слушали / Советского информбюро. <...> И, может быть, в тот год тяжелый / Мы научились понимать / И вкус воды, и сладость соли, / И песни те, что пела мать» [Там же].

Автор показывает нам не просто становление конкретной личности, но формирование целого поколения патриотов, помнящих подвиг своих отцов и дедов: «Не белоручками росли мы, / Навстречу выходя ветрам... / В тот год солдатская Россия / Вручила будущее нам!» [Там же: 307].

К патриотической лирике можно также отнести стихотворения «Свет» и «Не поздно...», представленная в них тематика носит амбивалентный характер из-за присутствия как патриотической темы, так и темы духовно-философской.

В стихотворении «Свет» дается зрительный ряд описаний далей, полей, заречий. Уже в первом четверостишье мы видим молитвенные мотивы: «В даль твою дальнюю вглядываюсь, / Светлая добрая Русь, / Каждому солнышку радуюсь, / Каждому утру молюсь» [Там же: 239]. Многогранный образ света фактически становится главным персонажем стихотворения, он передается при помощи многих сопутствующих, раскрывающих главное: «Свет от берез бесконечен, / Свет от равнинных полей, / Свет от седых матерей, / Свет от ромашек в заречье, / Свет от старинных церквей...» [Там же]. Свет разлит везде. Вся Русь пронизана им изнутри и источает его на все. И.А. Чернухин подчеркивает, что свет это не просто физическое явление, но

он полон духовной силы, благословен. Это заключено в последних строках стихотворения: «Благословен он и вечен, / Вечен на русской земле» [Чернухин 2003: 239].

По логике лирического произведения именно на русской земле и только на русской земле может быть такой свет. Это наша национальная особенность, свойственная славянам духовность.

Тема духовности и национальной ментальности ярко выражена в стихотворении «Не поздно...». Поэт готов бороться за славянскую душу, непоколебимую веру: «Не поздно, не поздно, не поздно / Еще оглянуться назад, / Увидеть, как ранние звезды / Глядят на осенний закат. / Как свет их далекий и грустный / Струится над далью полей, / Услышать, как ветер над Русью / Развевал печаль журавлей, / Как звук их высокой молитвы / Звучит еще в сонной тиши, / Вещая далекие битвы / Во имя славянской души...» [Там же: 357].

Патриотизм тесно переплетается с духовностью. Молитвы и битвы за душу сопровождают русского человека, что входит в традицию как прошлого, так и современности.

Не лишены люди и слабостей: «Мы светим и падаем тоже / В осеннюю стылую тьму / По дьявольской воле и Божьей / И таем как искры в дыму» [Там же]. Но есть и другой путь, по мнению поэта, ведущий душу не к гибели, а к вечному блаженству. Путь этот лежит через смирение, покаяние и страдания: «...не поздно / Себя удержать на краю, / И жить в покаянье, / а после взойти на Голгофу свою» [Там же].

И.А. Чернухин намечает два пути, по которым устремляется душа славянина. Он показывает нам эти пути в сравнении, демонстрирует, в каких случаях душа выйдет победительницей, а в каких – побежденной.

В этих стихотворениях образ лирического героя – это герой – наблюдатель, который воедино слит с поэтической формой, доносящий до читателей свои чувства и мысли. Но основа, сближающая автора и его лирического героя – истинный патриотизм. Только истинно любящий

родную землю человек способен видеть ее внутренний, духовный свет, наполняющий сердце при созерцании родной природы.

Патриотическая лирика И.А. Чернухина насыщена также и разветвленной образной системой вспомогательных персонажей, персонажей – медиаторов. В анализируемых нами стихотворениях в развитие лирической темы включается как действующее лицо – природа, присутствуют высшие силы рядом с лирическим героем и его родной землей. Однако же в центре образной системы произведений И.А. Чернухина – герой-патриот, который искренне любит свою родную землю, готов ради свободы и независимости своей Родины на все, помнящий историческое прошлое России, способный переживать его в своей памяти; прошедший тяжелую школу лагерей, но не сломавшийся и не изменивший Отчизне, ибо в создание образа лирического героя стихотворений И.А. Чернухина мощно вплетается автобиографизм. Это также участник исторических событий: свидетель половецкого нашествия на Русь, Великой Отечественной войны.

Свое творчество поэт интерпретирует в качестве особой миссии – прославления России, ее героического прошлого, подвигов, ее бесстрашных защитников, начиная от времен Киевской Руси и заканчивая гитлеровской оккупацией и лагерями ГУЛАГа. Причем, сам лирический герой не декларирует важность своего предназначения. Это очевидно для читателя, который адекватно воспринимает лирический посыл автора и то, с какой целью он изображает нам ту или иную грань образа своего лирического героя.

Нельзя не отметить и социально-политическую основу, сформировавшую мировоззрение поэта. Это, как уже отмечалось, человек советской школы, дитя войны, политический заключенный. Неудивительно, что ряд стихотворений рисует нам образ диссидентский, несмотря на патриотизм и осознание гражданской принадлежности к русской нации. В то же время И. Чернухин огромное внимание уделяет образом древнерусской литературы и прежде всего героям великого произведения указанной эпохи –

«Слова о полку Игореве». Это время учебы поэта в литературном институте, время, когда исследование древнерусской литературы было одним из самых перспективных направлений советского литературоведения, что и обусловило такую популярность «Слова» и широкое использование образной системы именно этого памятника древнерусской литературы.

Мышление лирического героя – это не только патриотическое мышление, не только осознание гражданской принадлежности к нашему государству, но и мышление литературное. И.Чернухин предпринимает попытку мыслить категориями древнерусской литературы, он переносит образную и сюжетную системы той эпохи на современную почву, оперирует этими образами, показывая преемственность в литературе и истории. Автор в образе лирического героя показывает связь эпох. Его герой в то же время равнодушен и к современному состоянию родной страны. Возможно, в этом заключается оригинальность и неповторимость художественного метода И.Чернухина как поэта.

Таким образом, в произведениях И.А. Чернухина воплощен своеобразный тип лирического героя, который является выразителем любви к Родине, патриотом России, готовым на любую жертву ради благополучия и свободы своего Отечества. Лирический герой И.А. Чернухина это еще и глубоко духовный человек. Он может увидеть, почувствовать внутренний свет родной земли, святость Руси. Все это свидетельствует о максимальном, многогранном раскрытии данного образа в стихотворениях И.А.Чернухина.

1.2. Герой-гражданин как основной тип лирического героя в творчестве В.Е. Молчанова

Гражданственный пафос лирики В.Е. Молчанова определяет и тип его лирического героя. Это герой-гражданин, осознающий свою принадлежность к России, готовый активно включаться во все сферы ее жизни.

Герой поэзии В.Е. Молчанова во многом обогащенный и углубленный по сравнению со своими предшественниками, составляет новый шаг на пути

воплощения образа человека – нашего современника в белгородской литературе. Герой оказывается не просто человеком, не просто гражданином, но человеком-гражданином, в чей строгий этико-эстетический кодекс входят на равных и личные чувства – радости, печали, заботы.

В отличие от лирического героя И.А. Чернухина, в поэзии В.Е.Молчанова – это человек послевоенной России. Он не был очевидцем страшных военных лет, за его плечами нет тяжелого оккупационного детства, лагерных мучений. Становление личности поэта происходило уже в послевоенные и послесталинские годы, во времена, когда крайности тоталитаризма фактически сошли на нет. Это, конечно же, не могло не оставить следа в его поэзии, не отразиться на формировании образа героя.

Лирический герой В.Е.Молчанова лишен внутреннего покоя, живет в постоянном духовном напряжении. Это состояние героя вызвано отчаянием от неустройства мира.

Историческое прошлое Родины не является предметом поэзии Молчанова. Он рисует современное ему общество со всеми его проблемами, при этом созерцательность не является главной установкой поэта, ибо происходящее воспринимается с гражданственных позиций, что отражается и в отношении к русской женщине, и в тревоге о настоящем и будущем, и в воспоминаниях об ушедшем, и в благодарности поколению отцов за счастье жить под мирным небом России.

Мировоззрение лирического героя В.Е. Молчанова уже нельзя назвать типично советским. Это скорее гражданин России, чем СССР, хотя формирование личности поэта, несомненно, происходило в соответствие времени.

Этапов развития и становления личности поэта, какой бы то эволюции в стихах Молчановым не воссоздано. Мы не увидим картин детства лирического героя, не проследим вех нравственного становления, так как перед нами предстает уже сформировавшаяся личность, в целом статичная, впрочем, не без элементов динамики.

Гражданский пафос В.Е. Молчанова проявляется в изображении рубежных дат истории Отечества, так понимается самим поэтом его миссия. Обращаясь к рубежным, противоречивым моментам истории родного государства, свидетелем которых он является, поэт стремится выразить свою любовь к Родине, какой бы она ни была. Пример развернутого душевного переживания героя – горькое воспоминание о прошедшем, боль от настоящего и стремление освободиться от этой боли дают стихотворения В.Е. Молчанова. Его лирический герой во многом выражает позицию автора. Тем не менее, было бы несправедливым говорить, что В.Е. Молчанов изображает лишь негативную сторону жизни России.

Так, в обобщенном образе россиянки можно увидеть образ всей России. Это своего рода аллегория, изображающая любовь к Родине посредством любви к соотечественнице.

Находясь на чужбине, лирический герой восхищается красотой русской женщины, причем красотой не столько физической, внешней, сколько красотой духовной, и вообще, богатством внутреннего мира русской души.

«Россиянка моя, / Россиянка! – / Васильковые взгляды зари... / Как зовут тебя? /Таня? / Светланка? / Ты надеждой меня озари» [Молчанов 2007: 57].

Находясь в Армении, лирический герой наблюдает армянских женщин с их неповторимым менталитетом, восточным шармом, но также и, по его убеждению, неспособностью понять русского героя: «Здесь, / В Армении, / Девушек много: / Чернобровы они, / Хороши! / Но я знаю: / Их лучше не трогать – / Не поймут они / Русской души» [Молчанов 2007: 57].

Рефлексия лирического героя сводится к размышлению о себе, о национальном менталитете, о столкновении с чуждой, по его мнению, русскому самосознанию восточной культурой: «Я для них неприемлем, / Как идол. / Ну и пусть – / Я обид не коплю. / Я армянку глазами бы видел, / Россиянку же – / Сердцем люблю» [Там же].

Рассуждения о себе переходят в рассуждения о прекрасной россиянке, а затем – о судьбе русского человека в восточной культуре: «С ней легко и светло... / И спокойным / Становлюсь, / Если вместе мы вновь. / А под солнцем Армении / Знойным / Застывает / Славянская / Кровь...» [Там же].

Поэт способен восхищаться экзотической восточной красотой, но все-таки ясно осознает, что родное ему ближе.

Гражданское самосознание В.Е. Молчанова проявляется и в стихотворении «Я знаю – не ново писать о Руси...» в виде своеобразного заочного спора с некими оппонентами. Поэт хвалит родную землю, несмотря на то, что кому это может показаться неоригинальным: «Я знаю – не ново писать о Руси, / И все-таки будет нелишне: / Господь, от беспамятства всех нас спаси, / Услышь мою просьбу, Всевышний» [Молчанов 2007: 78]. «Беспамятство» угрожает осознанию единства нации, связи с родной землей: «Живем ли в Смоленске, живем ли в Орле, / Сроднились ли с отчиной курской, – / Душой мы привязаны к этой земле, / Что ни на есть истинно русской. / Вдали от Руси все мы просто ничьи, / Не люди, а так – человеки. / Вдали от Руси – мы притоки, ручьи, / А с нею – мы вольные реки!» [Там же].

Лирический герой размышляет о своей связи с Родиной, ибо осознает себя свободным и вольным человеком только в России, что оказывается высшим проявлением гражданского самосознания у Молчанова.

Завершается стихотворение по «кольцевой логике» напоминанием о неоригинальности в поэзии: «Господь, вознеси ты нас на небеси – / Тебе это сделать несложно. / Я знаю – не ново писать о Руси, / Да вот не писать – невозможно...» [Молчанов 2007: 78].

Тема гражданственности вкупе с темой любви к Родине составляют содержание стихотворения «Вот она, та отчая земля...». Эмоционально основано на восхищении красотой родных пейзажей: «Вот она, та отчая земля, / Тихая, как в первый день творенья. / Вот они, седые тополя, – / Монументы верности деревне».

Возврат в родное село много лет спустя позволяет ему радостно заметить, что там практически ничего не изменилось, все осталось таким же самобытным и родным: «Как шумели раньше, так шумят / Надо мной, разлукой пропыленным, / Оглушенным на нездешний лад / Гроном самолетным, эшелонным» [Молчанов 2002: 81].

Чувство любви к Родине переполняет лирического героя. Осознание себя частью этого прекрасного края приводит к нравственному очищению: «Онемень не исчезнет вдруг, / Только слезы навернуться круто. / Родина мне возвращает слух, / Отнимая зренья на минуту. / И стою я с мраморным лицом / В будущем своем или прошедшем, – / Скорбным и измученным слепцом, / Без поводыря сюда пришедшим» [Там же]. Чувство любви к Родине для лирического героя оказывается своего рода лекарством от душевной слепоты и усталости. Оно излечивает все его страхи, тревоги и переживания, обновляет душу.

В стихотворении «Бахвалясь богатством и силой...» лирический герой наблюдает страшный порок русского человека – пьянство. Видит он и злорадные насмешки врагов, рассчитывающих на скорую гибель нашего Отечества: «Бахвалясь богатством и силой, / Вкруг нас нарезают круги: / – Спивается насмерть Россия, – / Злорадствуют наши враги» [Молчанов 2007: 323]. Однако же вера и любовь к Родине не заставляют героя усомниться в будущем России. Он смело утверждает, что скорее насмешники канут в небытие, чем исчезнет с лица земли наше Отечество: «Что ж, смейтесь, покуда смеется, / Надейтесь, что вечен ваш шик. / Покуда Россия сопьется – / От всех вас останется пшик!» [Молчанов 2007: 323].

Утверждение непоколебимости России выступает здесь проявлением гражданственности лирического героя.

Апофеозом гражданской лирики В.Е. Молчанова является стихотворение «Поклон вам земной, ветераны». Это и обращение к героям Великой Отечественной войны, и также иллюстрация их тяжелой военной доли. Поэт воспевает подвиг ветеранов. Стихотворение начинается с

обращения к ветеранам: «Давно отгремели раскаты / Боев над весенней страной. / Никак не вернутся солдаты/ С минувшей войны мировой. / Вам снятся опять фронтовые / Дороги, где юными шли. / Живите подольше, родные, / Защитники нашей земли» [Молчанов 2007: 337].

Глазами ветеранов видится картина последних дней войны: «Когда опаленные тропы / Травой покрывались едва, – / Пред вами склонилась Европа, / Салютом встречала Москва. / Года той войны роковые / Сквозь боль вы к победе вели. / Живите подольше, родные, / Спасители нашей земли» [Там же].

В последующем восьмистишье дается проекция на современное состояние России, переживание лирического героя о великой державе – победительнице, разрешенной ее же гражданами: «Свои рубежи вы держали, / На смерть ради жизни вы шли. / Простите за то, что Державу / Мы вашу сберечь не смогли. / Простите за речи иные, / Что нам привезли издали... / Живите подольше, родные, / Радетели нашей земли» [Там же].

В финале стихотворения лирический герой осознает свою общность «согражданственность» с ветеранами Великой Отечественной войны. Эта гражданская преемственность выражается в искренней благодарности ветеранам за Победу: «О чем вы грустите часами, / Сойдясь в ветеранском кругу? / За то, что живем, перед вами / Мы все в неоплатном долгу. / Вы горечь и совесть России, / Примите поклон наш земной. / Живите подольше, родные, / Солдаты Второй мировой» [Там же].

Поэт ощущает духовное родство с ветеранами, воспекает их подвиг, говорит еще и о кровной связи: все мы в том или ином поколении потомки героев той страшной войны. Память об этом также является непосредственным осознанием лирическим героем себя наследником России, частью ее истории.

Итак, образ лирического героя в гражданской лирике В.Е. Молчанова также разнообразен и многогранен. Мы можем увидеть здесь и современника, размышляющего о тяжелой доле России, и солдата второй

мировой, и, на первый взгляд, гражданина – созерцателя, но, тем не менее, способного страстно любить свою Родину и готового пожертвовать ради России даже жизнью.

В то же время социально-политические предпосылки формирования образа лирического героя поэзии В.Е. Молчанова обусловили некоторые его особенности. В сравнении с поэзией И.А. Чернухина лирика Молчанова выступает несколько поверхностной. Это поэт другого поколения, не знавший ужасов войны, не видевший лагерей ГУЛАГа. Его гражданственность заключается, на первый взгляд, в заурядных явлениях и образах: в признаниях в любви к русской женщине вообще, в восхищении при созерцании березки, в восхвалении сел и деревень Белогорья.

Преобладающий гражданский пафос лирики В.Е. Молчанова, в отличие от в основном патриотического в поэзии И.А. Чернухина, обращен, прежде всего, к нашей современности. Автор изображает события наших дней или же недалекого прошлого. И даже тема Великой Отечественной войны дается сквозь призму современности (стихотворения-впечатления о посещении мемориалов павшим в Великой Отечественной войне воинам).

Лирический герой В.Е. Молчанова – это, прежде всего, гражданин России, личность равнодушная, ибо ей не чужда боль за Родину. Он участник общественнозначимых событий. Поэт нередко может быть отождествлен с лирическим героем, в описании жизни которого обнаруживаются факты биографии самого поэта. Это, в подавляющей части стихотворений, наш современник, возвышенно выражающий любовь к своей Родине (цикл «Русская окраина», стихотворение «Зреют яблоки в Короче...» и др.). Он помнит о прошлом России, ее истории, но в отличие от героя стихов И.А. Чернухина, не идентифицирует себя как участника исторических событий, стремясь дать объективную оценку историческому прошлому, глядя на него из современности. Используя синхронный подход, В.Е. Молчанов полно и удачно реализует образ героя-гражданина.

Таким образом, мы видим, что реализация концепции любви в творчестве В.Е. Молчанова также достигает своего апофеоза именно в гражданской тематике. Только в отличие от диахронного, «исторического подхода», погруженности в гущу истории, используемого И.А. Чернухиным, В.Е. Молчанов смотрит на историю из сегодняшнего дня. Для него «история» – это, прежде всего, современность. Такой подход определяет самобытность творческого метода поэта, особенности его произведений и тип лирического героя.

1.3. Духовное лицо как основной тип лирического героя в творчестве И. Кобелева

Лирический герой протоиерея Игоря Кобелева (а именно под таким именем и с указанием духовного сана он издает свои стихотворения) во многом автобиографичен – священник, духовное и моральное становление которого запечатлено в своеобразной автобиографической летописи.

Формирование личности лирического героя, как и у В.Е. Молчанова, происходит в советскую эпоху. Но вот самоощущение и самосознание героя стихотворений И.Кобелева приходится на постсоветский период.

Очевидна динамика развития образа лирического героя И. Кобелева: изменяется его социальный статус – от призывника в ряды советской армии до лица духовного сана, несущего божественное знание людям.

И.Кобелев запечатлевает в стихах воспоминания о детстве и армейских годах. Его выделяет из общего ряда осознание ответственности за все совершенное в жизни перед Богом, перед ним судит себя, как святой дар он понимает миссионерскую деятельность священника. Нередко он показан его за молитвой, в уединении. Неизменно присутствуют в жизни лирического героя святые и чудотворные иконы.

Помимо образа нашего современника И. Кобелев создает стихотворный образ святителя Иоасафа, епископа Белгородского, чудотворца. Но прежде чем обратиться к образу святителя, должно было

произойти духовное становление автора и вместе с ним его лирического героя.

Стихотворение из рубрики «Встречи на родной земле (стихотворения, написанные в солдатском отпуске 30.11. – 10.12.1988 г.)» «В школе» – это немного озорные воспоминания о безмятежной поре – детстве. И сама поэтическая манера автора отмечена некоторой сентиментальностью: «Мне все здесь знакомо до боли: / И классы, и лица друзей... / Хожу по своей милой школе, / Как будто попал здесь в музей» [Кобелев 2011: 39].

Впечатления весьма трогательные и, самое главное, искренние и живые. Финал стихотворения явно отмечен озорными, плутовскими нотами: «И голос из прошлого слышу: / – Кобелев Игорь, – к доске!» [Кобелев 2011: 39]. Этим веселым тоном финала рассеивается грусть воспоминаний.

Армия представлена в стихах Кобелева настоящей школой жизни. Она, по мнению поэта, формирует из юноши мужчину. Патриотически окрашенное отношение к службе в рядах советской армии выражено в стихотворении «Проводы в армию». Здесь перед нами предстает уже не мальчик, но муж: «Нет слез. Они все выплаканы в детстве. / Пусть хоть глаза полезут из орбит... / Из множества больших и малых «бедствий» / Мне выйти человеком предстоит» [Там же: 25].

В этих строках максимально ярко выражен эмоциональный настрой в отношении к службе в армии. Военская служба способствует росту из человеческого индивида Человека. В рассуждениях призывника не заметно отчаяния. Напротив, он испытывает жажду познания неизвестного будущего: «А что там впереди? Кому известно? – / Ни нам, ни нашим близким – никому. / Там нелегко, но все же интересно / Увидеть и изведать самому» [Там же].

Лирический герой не отчаивается, не горюет от разлуки с семьей, гражданской жизнью, друзьями, родным университетом. Вспоминая свои проводы в армию спустя много лет уже после окончания службы, он и сам удивляется: «И почему я ни одной слезинки / Не обронил на проводах

своих?...» [Там же]. Но ответ на этот вопрос заключен еще в первой строфе, которая в соответствии с кольцевой сюжетной композицией, характерной для Кобелева, замыкает стихотворение: «Из множества больших и малых «бедствий» / Мне выйти человеком предстоит» [Там же].

Желание стать настоящим человеком, иметь право называться настоящим мужчиной – вот основные мотивы, заключенные в стихотворении «Проводы в армию».

Отслужив в армии, лирический герой стихотворений И.Кобелева начинает задумываться о своем предназначении в жизни и тогда же он задумывается и о духовном начале в человеке и, самое главное, о Боге.

Обращения к Богу присутствовали в лирике отца Игоря еще до поры его служения священником. Об этом свидетельствует стихотворение 1990 года «Ответственность», в котором даются размышления о творчестве, «о долге поэта и задачах поэзии», которые соотносятся им прежде всего с Богом: «Мне отвечать за все, что написал, / Пред Господом и совестью своей» [Кобелев 2011: 54].

Перечень всего того, за что придется отвечать его лирическому герою широк: «За все, что не закончив побросал / И просто «отложил до лучших дней», / За пользу слов, невысказанных вслух, / И бесполезность выкинутых фраз <...> За суету по всяким пустякам, / За созданную видимость труда / И за покорность сильным дуракам, / Не знающим ни чести, ни стыда...» [Там же]. Перечисление поступков, за которые необходимо будет держать ответ идет через запятую, что называется, на одном дыхании. В один ряд ставятся такие вещи как «бесполезность выкинутых фраз», «созданную видимость труда» и в то же время «покорность сильным дуракам».

Кроме ответственности за все совершенное перед Богом, прослеживается и «политическая» линия, отражается современная автору социальная реальность.

Не только как личный долг, но и общественное призвание трактуется миссионерская деятельность, и потому священнический путь протоиерея

Игоря Кобелева насыщен миссионерскими поездками, о которых говорится в стихотворении «В миссионерском пути», где рассказывается и о самой дороге и о «путеводителе», сопровождающем священника, куда бы он ни отправился: «Гремят колеса, и, открытый всем ветрам, / Мчит скорый поезд по стране путем железным. / Среди мелькающих вагонов – Божий храм – / Путеводитель от земных дорог – к небесным» [Кобелев 2011: 91]. В данном стихотворении, помимо духовных мотивов, тонко проводится тема любви к родной природе: «Где выси гор, где живописная тайга, / И синь Байкала, словно моря ширь, без края, / Там доводилось нам то ехать, то шагать, / Назов Отца детей повсюду собирая» [Кобелев 2011: 91].

Стихами утверждается торжество православия, восхваляется служение, понимаемое в качестве высочайшего духовного подвига: «С духовной радостью поверить нам дано, / Надежда взором проникая через годы, / Что в землю добрую посеяно зерно, / На ниве Божией обильны будут всходы» [Там же].

Завершается стихотворение по уже известной нам в творчестве отца Игоря кольцевой композиционной схеме: «Гремят колеса, и тому, кто спит, устав, / Сон ясный видится, как вдаль путем железным / Мчит по Руси миссионерский наш состав – / Путеводитель от земных дорог – к небесным» [Там же].

Прославляя подвиг миссионера, акцентируется особое внимание на его божественном предназначении, говорится о том великом вкладе, что привносит миссионерская деятельность в жизнь Русской Православной Церкви. В то же время это воспоминание миссионера о его путешествии, стихотворение – впечатление от увиденного на бескрайних просторах нашей страны. Лирический герой здесь – человек, влюбленный в свою страну и свое призвание. Он осознает высокую миссию, возложенную на него и Богом, и епархией, и гордо несет Божественное знание людям.

Не менее интересны и необычны для традиционной светской поэзии и стихотворные воспоминания о принесении на Белгородчину тех или иных

православных святынь. Рассматривая эту тему, нельзя не вспомнить о стихотворении «Песнь на посещение святого Белогорья чудотворной Феодоровской иконой Пресвятой Богородицы». Начинается оно приветствием Божьей Матери: «Пречистая! На крыльях самолета, / Оставив свое временно подворье, / Ты Гостьей, только прибывшей с полета, / Вступила на святое Белогорье» [Кобелев 2011: 110].

Не только люди, но и сама природа приветствуют прибытие Божьей Матери на Белгородскую землю: «Вдруг разлетелись облака ненастья, / Природы просветлел осенний вид, / И весь народ и воинство, и власти / Объединил порыв святой любви» [Кобелев 2011: 110].

Упоминается, что именно Божья Матерь, являя свои чудотворные иконы в разных уголках нашей страны, стала защитницей великой державы: «Чтоб стала Русь великою державой, / Отчизне после Смуты мир даря, / На славный путь служенья с верой Правой / Ты вдохновила юного царя» [Там же].

Утверждается вера в то, что и во дни горестей и потрясений Богородица не оставит Россию, сохранит Ее своим покровом: «Когда безбожья стала «высшей» мера / И Церковь жертвы страшные несла, / Спасла всех нас Твой образ только вера, / И значит, с нею – Ты Сама спасла!» [Кобелев 2011: 111].

И это стихотворение завершается излюбленным у Кобелева способом по кольцевой композиции следующими строками: «Пречистая! Не с борта самолета, – / С пресветлого Надмирного подворья, / Не временною Гостьей, не с полета, – / Храни Святую Русь и Белогорье!» [Там же]. Здесь мы видим органичное введение в стихотворение жанра молитвы к Божьей Матери, просьбу к ней не оставлять родную землю, хранить святое Белогорье. Лирический герой делится своими чувствами и впечатлениями от созерцания святыни.

Формирование личности лирического героя у И. Кобелева заметно и в стихотворных посвящениях духовным лицам, как еще живущим, так и уже

умершим. В данной группе стихотворений показательным нам представляется «Пресс-релиз», написанное к сорокалетию епископа Белгородского и Старооскольского Иоанна.

Это стихотворение представляет собой описание повседневного быта православного иерарха: «Утро. Свет зари. Лампада. / Лик иконы. Тишина. / Благодать. Окно. Прохлада. / Солнце. Птицы. Даль ясна» [Кобелев 2011: 87].

Далее следует конкретизированное описание служения владыки Иоанна: «Встреча. Освещение храма. / Облаченье. Антифон. / Литургия. Слово Божье. / Проповедь. Молебен. Пот. <...> Губернатор. Совещанье. / Благочинные. Вопрос. <...> Пресса. Правка всех «стилистов». / Съёмки. Запись. Сотни строк. / Блиц. «Побег» от журналистов. / Интервью. Газета в срок...» [Кобелев 2011: 88]. Помимо многообразной деятельности епископа, отец Игорь показывает читателям и его окружение: «Композиторы. Поэты. / Дом. Природа. Круг друзей...» [Там же]. И в завершении стихотворения автор раскрывает собственно повод к его написанию: «Поздравленья. Речи. Тосты. / Звон бокалов. Юбилей» [Там же].

Герой стихотворения – архиепископ Белгородский и Старооскольский, Иоанн. Автор кратко, но емко, в каталогизирующей стилистике И. Бродского, показывает один день из трудовых будней владыки, призванный нести божественный свет людям.

Долг, понимаемый лирическим героем – быть певцом православной веры. Понимание этого самим героем свидетельствует о достигнутом глубоком морально-нравственном уровне лирического героя.

Несомненно, образная система лирики И. Кобелева была призвана отразить именно духовное становление человека, показать путь православного священника, образ которого и нашел реализацию в творческом наследии белгородского священника. Однако же, духовная линия не приводит нас к однобокому раскрытию образа лирического героя. Становление личности героя показано И.Кобелевым через призму собственных биографических событий. Он отражает в своей поэзии и

патриотическую линию (отношение лирического героя к службе в армии), и показывает духовные примеры, ставшие ориентирами на его жизненном пути.

Анализируя творчество И. Кобелева, можно отметить, что основным при изучении его творческого наследия стал биографизм. Образ автора и его лирического героя в подавляющем большинстве стихотворений отражает биографические вехи жизни автора.

Структурно-типологический метод помогает нам сделать вывод о типичности образа лирического героя для данного вида поэзии. Образ православного священника, духовного лица типичен для духовной поэзии, как образ святого в древнерусской литературе. Но в то же время И. Кобелев, рисуя реальных людей или образы святых, придает своей поэзии публицистичность, доносит до читателей значимость изображаемых им персоналий. Иногда в его поэзии можно прочувствовать оттенок назидательности, но эта назидательность не становится навязчивой. Выбор в любом случае остается за читателем. Автор лишь показывает пример служения Богу, государству, верность совести. И в этом заключается нетипичность лирического героя, новаторство автора при создании данного образа в поэзии.

Стоит также отметить и факторы, сформировавшие именно такой тип лирического героя в творчестве данного автора. Человек, детство и годы которого ознаменованы господством советской идеологии, формировавшей своеобразное мировоззрение, И.Кобелев ввиду своего духовного сана трансформирует собственное мировосприятие. Конечно же, это не могло не сказаться на формировании образа его лирического героя – православного священника, миссионера, активную, деятельную личность.

В поэзии И. Кобелева лирический герой во многом автобиографичен. В какой-то степени это герой-резонер, рупор идей автора. Миссионерская деятельность автора накладывает отпечаток и на его поэзию. Особенно наглядно это прослеживается в стихотворных воспоминаниях и посвящениях

святым, где поэт не просто воплощает чувство любви к Богу и его угодникам, но также знакомит аудиторию с образом святого (иконы), с его кратким житием, подвигами. Здесь показательными выступают стихотворения, посвященный святителю Иоасафу Белгородскому.

Лирический герой И. Кобелева – это человек нового времени. Ему знакомы все законы современного общества, он сам активно включается в социальную и духовную его сферы, делает попытки изменить сознание своих соотечественников. Основной тип его мышления – это мышление православного священника, духовного лица, несмотря на советскую школу, сформировавшую основы его мировоззрения. Таким образом, мы еще раз убеждаемся в нетипичности героя, в его исключительность в белгородской поэзии.

ГЛАВА II. СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ЛЮБВИ В ПОЭЗИИ БЕЛГОРОДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

2.1. Патриотическое (история и современность) содержание концепции любви в творчестве И.А. Чернухина

Патриотическая лирика составляет основу лирического наследия И.А.Чернухина. Концепция любви реализована в тематике – теме любви к России, к «малой родине» и их защите в Великой Отечественной войне.

Тема любви к России воплощена в таких стихотворениях, как «Россия», «Циклон», «Бездорожье», «И было слово – Русь...». Конечно, список можно продолжать, но остановимся на анализе названных стихотворений.

Стихотворение «Россия» – это песнь, обращенная к русской многострадальной земле. Автор размышляет о русской доле, о тех потрясениях, которые уже пережила русская земля: «На сходках тебя закричали, / Где льются и деготь и мед...» – и которые ей еще только предстоит пережить: «Печальница, / Сколько печалей / Еще над тобою взойдет?!» [Чернухин 2003: 36].

Далее И.А.Чернухин рисует состояние родной страны: «Мрачны твои грады и веси, / Кружит над тобой воронье. / Вожди переполнены спесью, / Но имя святится Твое!» [Там же].

Последняя строка утверждает веру в торжество России. Она пройдет все испытания, но останется великой и могучей страной, державой.

Стихотворение «Циклон» приобретает уже аллегорический смысл. Ясно, что И.А. Чернухин имеет в виду не стихийное бедствие, а социально-политическую ситуацию в России. Он рисует образ русского мятежа, Смуты: «Опять циклон гуляет по стране. / Москву штормит... / Вопят в подвалах крысы. / Темно и душно. И в ночном окне / Мерещится свеча царя Бориса» [Чернухин 2007: 21].

Затем идет последовательное историческое повествование: «...здесь стоят Пожарский / И Минин, и святой рублевский храм <...> Лжедмитриями Русь разорена. / Америкам и западам в угоду» [Чернухин 2007: 22].

Примечательно, что через призму исторически далеких от нашего времени событий показано современное состояние нашего Отечества в образном воплощении тезиса о цикличности истории, о повторяемости событий, только в различных их вариациях.

В финальной части стихотворения метафорически соотносятся времена Смуты в России XVII века и наши дни – дни смуты 1990-х годов: «Лжедмитрии, вожди и президенты! / В разборках вся, / Вся в митингах страна...» [Там же: 23]. И, прибегая к кольцевой композиции, И.А.Чернухин замыкает произведение воспроизведением начальных строк: «Москву штормит и ураганит снова.../ Темно и душно. И в ночном окне / Горит свеча Бориса Годунова» [Там же].

Поэт мыслит себя, по выражению М.М. Бахтина, в большом Времени – историческом, культурном, литературном. События русской истории позволяют лучше разглядеть собственное время и выстроить литературную перспективу, обращенную в античность и создающую вневременной культурно-исторический смысл.

Здесь мы можем также увидеть параллель с тематикой поэзии древнеримского поэта Горация. Так, в его известной оде о Соракте (I, 9) символически-метафорически показана картина социально-политической ситуации в Империи.

Начинается ода картиной зимы: Гора Соракт покрыта снегом, деревья стонут под его тяжестью, реки застыли от режущего холода. Это римская зима со всеми «реалиями». Человеку остается только уповать на волю богов и ждать. Ведь «когда они успокоят ветры, бушующие над кипящим морем, то не колыхнется ни кипарис, ни старые дубы».

Буря – символ тягостей жизни, от которых мы не можем уйти: политические и личные волнения, вызывающие страх, заботу и страдания. На

них можно смотреть, как на преходящее, они успокоятся, как пройдут, рано или поздно, и природные катастрофы.

В этой оде мы видим три антитезы: зимы и живительного огня; бурь, конца которых мы должны терпеливо ждать; старости и юности. Все они олицетворяют столкновение старого и нового порядков. Эти же мотивы мы можем наблюдать и в «Циклоне» И.А.Чернухина, где «бурей» выступает «свеча Бориса Годунова».

Линию социально-политической сатиры продолжает стихотворение «Бездорожье». Поднимаемая, казалось бы на первый взгляд, одна из русских бед: «Бездорожье вокруг, бездорожье – / Хоть налево иди, хоть направо» [Чернухин 2003: 40] – на самом деле таит в себе глубокие исторические корни.

Это стихотворение – боль автора о смутных временах России 1990-х годов. Уже в продолжение стихотворения И.А. Чернухин открыто обращает внимание читателей на фактор времени: «Ой ты, времечко смутно-крутое, / Перевернуто все, перекручено. / Ничего не осталось святого, / Никого больше совесть не мучает» [Там же].

Это прямая обличительная речь в адрес современного тогда автору времени. Далее он продолжает характеризовать ту жизнь, которую видит: «Вот девчушка стоит на панели, / Продает свое тело за баксы. / Вот шумит в Государственной Думе, / То ли избранник, то ль провокатор...» [Там же].

И.А. Чернухин показывает неподдельную заботу о судьбе России. Он призывает своих современников не быть сторонними наблюдателями. Ведь в противном случае Родина может погибнуть: «Что мы ждем? / То ль ветров перемены, / То ли звон погребальный, быть может?..» [Там же]. Судьба ее зависит только от нас.

Горестные мотивы смутных времен России воплощены также в стихотворении «И было слово – Русь...». Здесь современное состояние государства показано через призму господства Л.П. Берии: «И было слово –

Русь, оно / Являло жизнь... презренье к смерти. / Как ни душил его Лаврентий – / Оно осталось все равно» [Чернухин 1976: 60].

Автор рассуждает о вечной духовности Руси и ее наследницы – России. Хранителями и носителями этой многовековой духовности призваны стать поэты. Они сильнее политики – этой «эпохи Лаврентиев»: «Давно в аду сидит Лаврентий, / Да все неймется сатане. / Растет еще чертополох / И семена летят по свету, / Но возвращаются поэты / Со словом Русь... Храни их, Бог!» [Там же].

Последние строки стихотворения предвещают собой возрождение России через слово, через память о наследии великой и могучей Руси.

Говоря о теме России в творчестве И.А. Чернухина, можно отметить, что она представлена стихотворениями, как правило, так или иначе связанными с узловыми событиями в истории нашей Родины. Воспоминания о Смуте XVII века, конечно, напрямую связаны с событиями 1990-х годов, которые показаны как бы через призму исторического прошлого. Автор проводит параллели между современной ему реальностью и историческими событиями, утверждая тезис о цикличности истории.

Но тема России в ее глобальных исторических масштабах не является единственной темой реализации патриотической линии в лирике И.А. Чернухина. Одно из ключевых мест здесь занимает и тема «малой родины».

Мотивом родного Белогорья в той или иной степени пронизаны практически все стихотворения И.А. Чернухина. В ряду наиболее характерных стихотворений, раскрывающих тему «малой родины», можно назвать такие произведения, как «Что за белым тем холмом?», «Над Тихой Сосной...», «Раздолье родное...», «Край мой белый...», «Село мое белое», «Белохатье мое...», «За Ворсклой». На рубеже патриотической и духовной лирики стоит стихотворение «Холкинский монастырь».

Стихотворение «Что за белым тем холмом?» является стихотворением-посвящением В. Михалеву. Уже с первых строк чувствуется желание

лирического героя познать как можно шире свой родной край: «Что за белым тем холмом? – / Горы меловые, / Или Белый город-дом, / Или клад России?..» [Чернухин 2007: 143], передать свою страстную любовь к Родине: «Сердце дрогнет и замрет / Перед вольной волей. / Ах, как жалобно поет / Жаворонок в поле!» [Там же]. В стихах запечатлен восторг лирического героя видом родных полей. Пространство за «белым тем холмом» словно сказка для него: «Три девицы над прудом, / Тридцать три деревни. / Три тропы наискосок, / Камня три горячих, / Да играет пастушок / На дуде у кручи» [Там же].

Искусно используемый пасторальный мотив способствует созданию атмосферы сказочности. В нашем воображении рождаются волшебные картины чудесного мира «за белым холмом».

Пейзажная лирика продолжается стихотворением «Над Тихой Сосной...». Все стихотворение – это описание прекрасного свежего луга, юной, обновленной природы: «Здесь луг еще сочный не скошен / И горькие травы ничьи. / Ничья еще в дымке сирень, / Еще не примят подорожник, / И даже пчела осторожно / Несет над цветком свою тень» [Чернухин 2003: 180]. Это стихотворение – впечатление, передает восхищение родной природой все пронизано гармонией, причастностью художника к этому прекрасному природному миру. Здесь все «его» и одновременно «ничье».

Гимн родной земле поэта – стихотворение «Раздолье родное...». Он изображает восход, символизирующий обновление, устремленность родного края в прекрасное светлое будущее: «Раздолье родное, степное. / И северный ветер – в лицо. / Но всходит уже за спиною, / Блестит золотое кольцо» [Там же: 183].

Поэт славит наступающий день, который, несомненно, принесет перемены, ознаменует обновление, совершенствование: «Заглядывай в щели и буйствуй, / Веселое царствие дня. / Твое прославляя искусство, / Душа замирает моя» [Там же].

Древний жанр – альбы – «песни рассвета» воплощается в стихотворении Чернухина на новом, белгородском материале. Певец

рассвета почти по-язычески обожествляет наступающий день, который становится для него не просто чем-то новым, но символически-новым, обновляющим душу.

Продолжает «гимнографическую традицию» посвященных «малой родине» произведений стихотворение «Край мой белый...». Через простой, но в то же время уникальный синтаксический ряд параллельных конструкций – перечислений перед нами раскрывается образ родного края: «Край мой белый!.. / Холмы и долины. / Тихих речек зеленый окрас. / Белохатье. / Разливы полыни. / Свет берез. Черноземная вязь» [Чернухин 2003: 185].

Отрывочные, лишенные всякого действия, картины, которые, на первый взгляд, даже трудно связать в единое целое, ибо едва ли «тихих речек зеленый окрас» может изолированно сочетаться со «светом берез». Но в непрерывной череде, в коей они показаны поэтом-художником, эти живописные картины представляют собой единое широкомасштабное полотно – панораму родного Белогорья.

Стихотворение «Холкинский монастырь» сочетает пейзажно-патриотическую, историческую и духовную тематику.

Уже в самом названии заложен аспект духовности. «Монастырь» – значит крепость, духовный покров, к которому может прибегнуть любой страждущий. В «Меловом подземелье <...> Снег ли, дождик моросил, / Вырастали над равниной / Горы тайные Руси» [Там же: 237] – видится географическое изображение Белгородчины.

Духовное и географическое гармонично сопрягается с историческим: «Здесь когда-то перед битвой, / С Ярославной распротысь, / Ночь провел, творя молитвы, / Знаменитый русский князь» [Там же].

Снова влекут поэта драматические события похода 1185 года новгородсеверского князя Игоря, воспетом в «Слове о полку Игореве».

Органическое сочетание исторического мотива и мотива «малой родины» не исчерпывает арсенал патриотической лирики И.А.Чернухина. Огромное место в творческом лирическом наследии занимают

стихотворения, воплощающие тему Великой Отечественной войны. К ним можно отнести историко-событийные стихотворения («Прохоровка. 12 июля 1943 года», «Белгород. 5 августа 1943 года»), так и лирику воспоминаний участников военных событий («1941», «Четыре года», «Баллада о героическом батальоне», «Хлеб победного года»).

Стихотворение «Прохоровка. 12 июля 1943 года» посвящено событиям знаменитого танкового сражения на Курской дуге. Здесь автор изображает поле уже после битвы: «На Прохоровском направлении / Мертвые танки стоят. / На Прохоровском направлении / Не видно нигде солдат» [Чернухин 2003: 310]. Масштаб сокрушительного разгрома немецкой армии показан контрастно одинокой фигурой вражеского солдата, портретом поверженного немецкого солдата: «...Шагом нетрезвым / Потупив безумный взгляд, / Бродит между железом / Чужой, / Одинокий солдат» [Там же].

Войска фашистов дрогнули, и несмотря на то, что этому солдату удалось выжить, осознавая то, что силы его страны сломлены, а идеалы – разрушены: «И плачет ариец, как мальчик, / По «мертвой» своей «голове». / Штандарты ее и знамена / Со свастиками во главе / Растопчут потом батальоны / На площади Красной в Москве» [Там же: 311]. Эти строки становятся кульминацией всего стихотворения, говорящие о еще не свершившейся, будущей Победе. Неслучайно в конце Прохоровское поле представляется автором как «Великое поле России, / Победы и славы ее» [Там же].

Стихотворение «Белгород. 5 августа 1943 года» выстроено аналогично с «Прохоровкой...». Это зарисовка дня, когда Белгород был освобожден Красной армией. Город предстает в руинах, растерзанный: «Разбит и растерзан до бурой щебенки...» [Чернухин 2003: 312] – но все же не побежденный. Победные мгновенья воплощены в, казалось бы, заурядных, бытовых сценах, на разрушенных городских улицах: «Старушка застыла. / Глядит в изумленьи, / Как ладит мальчишка на крайнем дому / Табличку, гласящую: / «Улица Ленина», / И громко читает себе самому» [Там же: 313].

Мы видим возрождение города. Враг разбит, война ушла, а значит, у Белгорода есть будущее. И последние строки предвещают это будущее, начало новой, мирной жизни.

В лирике представлено и видение войны наших современников, и взгляд непосредственных участников военных действий.

Стихотворение «Четыре года» – иллюстрация взгляда современника.

«Четыре года гуси плакали, / Узрев однажды с вышины / Дома, пылавшие, как факелы, / Дымы багровые войны» [Чернухин 2003: 304] – такие строки открывают стихотворение. Это начало описаний ужасов войны. И несмотря на то, что автор не вдаётся в детализацию смерти, потерь, разрушений, читатель не может не почувствовать атмосферу, пронизывающую все стихотворение.

Патриотизм неразрывно связан с духовностью, как в стихотворении «Русские колокола», в котором изображено святое место. Отличительной особенностью данного стихотворения является тот факт, что автор не говорит о каком-либо конкретном монастыре или храме. Образ святого места символически обобщен. Таковым в стихотворении выступает вся Россия: «Какая в сердце музыка возникла / У звонаря из древнего села!.. / Вновь заиграли по Руси великой / Молчавшие досель колокола» [Там же: 354].

Колокола символизируют святость русской земли. Подчеркивается уникальность перезвонов русских колоколов, потому И.А.Чернухин подробно останавливается на характеристике колоколов, тщательно прорисовывает словом их образ: «В их перезвоне было меньше горя, / Чем радости, надежды, торжества... / И музыка плескалась на просторе / И извещала: – Родина жива! / Жива святая Русь! / Жива Россия! <...> Звонят, звонят ее колокола» [Там же]. Именно колокола стали центральным образом стихотворения. Впечатляют лирические размышления о судьбе русской земли, о ее неповторимости, самобытности, святости. А образ колоколов – яркая иллюстрация нашей ментальности, неповторимости, нашего своеобразия.

Таким образом, с максимальной полнотой раскрыта в лирике Чернухина тема любви к Родине, которую мы видим сквозь призму истории. Реальные события современности даются в свете сопоставлений с историческими событиями легендарного исторического прошлого. Исторические повествования (хотя бы на примере военной лирики) занимают центральное место в раскрытии патриотической линии в творчестве данного автора.

2.2. Гражданское содержание концепции любви в творчестве В.Е. Молчанова

Гражданская тема в творчестве В.Е. Молчанова является одной из ключевых и, пожалуй, наиболее полно разработанной. Мотивы «малой родины», России, Великой Отечественной войны раскрываются данным автором многогранно и всесторонне. В его творческом наследии видим и стихотворения-воспоминания, и посвящения родным местам, пейзажные зарисовки, и все они пронизаны острым гражданским чувством.

Стихотворение «История прощает нам ошибки...» можно считать образцом гражданской лирики поэта. Автор здесь рисует читателю образ русского народа, сильного, свободолюбивого, стойко переживающего все бедствия и из любой напасти выходящего все тем же могучим народом.

Единственным недостатком русского человека, по мнению поэта, является беззащитность в любви: «Славяне мы. / В любви мы беззащитны...» [Молчанов 2002: 84]. Но тут же идет противопоставление: «А в ненависти / Праведно страшны» [Там же].

Утверждается в стихотворении и безграничная любовь к свободе русского человека: «Мы выше чьей-то злобы, / И нам рабами быть не суждено» [Там же]. Он приводит доказательства стойкости и готовности пойти на все ради свободы, государственной, суверенной, и личной: «Французы взяли / Некогда Европу, / А обожглись-то / О Бородино» или

«Фашизм хотел / Весь мир согнуть дугою,/ А сам был согнут / в Курскую дугу» [Там же].

Непокоренность России и русского человека, того, что именуется русским духом утверждается как в данном, так и в ряде других стихотворений, особенно, в стихотворении «Я верю – дух России вечен...». Уже с первых строк утверждая непоколебимость, нерушимость, самобытность русского духа: «Он не подвластен временам» [9, с.85], со второго четверостишья разворачивает тему в отношении «человек – Родина», причем, говорит он о соответствии человека Родине, о том, достоин ли он такой любви: «Россия, милая моя, / А вдруг я той любви не стою, / Какой любим тобою я?» [Молчанов 2002: 85]. Поэт завершает стихотворение восторженной похвалой, обращением к Родине: «Ты приходи ко мне такая, / Какая есть во мне сейчас:/ Четою берез, прохладой речек. / Неповторимы и просты, / Пускай плывут душе навстречу / Твои бессмертные черты...» [Там же].

Переплетение гражданских и патриотического мотивов формирует общее отношение к Родине. Гимном Родине можно считать стихотворение «Мне сказали, как угробили...», где даны размышления о значимости Родины в жизни поэта, своего рода дань традиционной теме поэта и поэзии. С первых строк становится ясно, что Родина для поэта – все самое святое, что только может быть у человека: «Мне сказали, как угробили, / Впору взвыть – / Что поэту выше Родины / надо быть» [Молчанов 2002: 119], – экспрессивно выражен протест, утверждение своего истинного места. Финал стихотворения как нельзя более ясно раскрывает позицию автора: «Выше Родины на свете лишь – / Только Бог!» [Там же]. Поэт воспринимает Родину высшим, божественным, а себя позиционирует ее верным сыном, готовым всю свою жизнь, все свое творчество поставить ей на служение.

Можно сказать, что в стихотворении воплощается гражданский идеал и позиция В.Е.Молчанова.

Пейзаж становится органической, неотъемлемой частью патриотической лирики, к которой необходимо отнести цикл «Русская окраина», продолжающий тему «малой родины». Цикл состоит из двенадцати стихотворений – поэтических зарисовок сел Белгородской области.

Открывает цикл стихотворение «Новая Таволжанка». Воспоминания о детстве, прекрасной поре жизни, о том деревенском укладе, который окружал автора с младенчества, наглядно отражены в данном стихотворении: «Детство... Цветы... Лужайка... / В звонкой душе светло. / Новая Таволжанка – / Так называют село» [Молчанов 2002: 211].

Лирический герой вспоминает ту атмосферу, что окружала его в детстве. Его одолевает ностальгия по минувшему: «Только до слез мне жалко/ Времени, что прошло. / Новая Таволжанка – / Так называют село» [Там же].

Пейзажно-этнографические зарисовки в остальных стихотворениях цикла – «Муром», «Безлюдовка», «Добрая Воля», «Вознесеновка», «Большая Троица», «Белый Колодезь», «Топлинка», «Шамино», «Отрадное», «Крапивное», «Маслова Пристань» – отражаются в топонимических названиях населенных пунктов, названиях сел, каждое из которых сопровождается эмоционально окрашенным объяснением происхождения названия или ассоциативной реакцией: «Давно нет Храма Вознесенья, / А Вознесеновка стоит!» [Молчанов 2002: 214], или «Белый Колодезь! Белый Колодезь! / Чистой водою меня напои» [Там же: 215], или «За нашу разлуку, Крапивное, / Крапивой до боли ужаль» [Там же: 218].

Образцом пейзажной лирики, пронизанной патриотизмом в творчестве В.Е.Молчанова, является стихотворение «Закат над Донцом».

Это зарисовка закатного часа над белгородской рекой, описание времени, когда природа засыпает: «Одинокие ивы застыли / В отраженье зеркальном Донца <...> Голубеют прогалин оконца, / Открывая вселенский

простор. / На черте горизонта полсолнца / Польша, как будто костер» [Молчанов 2002: 11].

И в этом произведении статичность пейзажа в последнем четверостишии прорывается отношением поэта к этому месту, к закату: «И душе уже нету покоя, / И смотреть не могу без тоски, / Как горящий закат под рукою / остывает в глубинах реки...» [Там же] – автор страстно любит закат, хоть ему и жаль уходящего дня. А в нетривиальном образе, сочетающем «горящий закат» и холодные «глубины реки» обнаруживается прекрасное и чарующее своей тайной соединение огня и воды.

В пейзажном плане привлекательно и стихотворение «Зреют яблоки в Короче...». Это уже «портрет» конкретного времени года, о котором автор говорит: «Август – надо понимать!» [Молчанов 2002: 236], – стремясь передать неопишуемый восторг, охватывающий всякого созерцателя спелых яблок, висящих на ветках в саду: «Чуть не лопаюсь от сока, / Налитые все подряд, / Желтобоко, краснобоко, / Ярко яблоки горят» [Там же].

Подобное описание призвано продемонстрировать любовь к августу, времени созревания этих прекрасных плодов. И автор утверждает эту любовь: «Нет здесь яблока раздора, / Все тут яблоки любви!» [Там же].

Но мотивами России и «малой родины» не исчерпывается гражданско-патриотическая лирика В.Е. Молчанова, в которой огромное место занимает и тема Великой Отечественной войны, реализующаяся, как это уже было отмечено, в формах воспоминаний о войне очевидцев, от лица участников событий и от лица наших современников, отдающих дань солдатам Великой Отечественной войны.

Стихотворение «Рассказ старого артиллериста» – это лирическая исповедь непосредственного участника боевых действий на Курской дуге, рассказ об одном сражении.

С первых же строк создан образ чудовищной атмосферы битвы, которой нельзя не ужаснуться: «Бой уходил на запад, / Выжжены степь и луг./ Трупный угарный запах / Ветер носил вокруг» [Молчанов 2002: 251].

Яркая картина военных действий предстает перед нами также благодаря использованию автором прямой речи героя – участника боевых действий, для которого война ворвалась буквально в самое дорогое, в родной дом: «Тридцатьчетверки» валом / мчались в густой пыли» [Там же], «Братцы, из дома фрицы, / Где я родился, бьют...» [Молчанов 2002: 252]. Сугубо лирический способ изображения батальных событий – сквозь душу и сердце героя – характерная черта творческого метода В.Е. Молчанова

Создающийся поэтом эмоциональный взрыв при восприятии рассказа – до мурашек по коже заставляет задуматься о цене Победы в войне с фашистами. Эта мысль подчеркивается в финальной части стихотворения устами героя, заставляет читателя задуматься, представить себя на месте того артиллериста: «Внемля Победы грому, / Помнил всегда тот бой: / – Огонь! / (По родному дому!) / – Огонь! / (По земле родной...» [Молчанов 2002: 252].

Цикл стихотворений «Танковое поле» вызывает ассоциации с циклом А. Блока «На поле Куликовом». В составе цикла четыре стихотворения, имеющих кольцевую сюжетную композицию.

Первое стихотворение начинается с прославления трех Ратных полей России: «Вдоль дороги травы / И хлебов стена, / Поле русской славы – / Наша сторона» [Там же: 245]. Здесь читатель видит уже мирную картину, когда давно отгремели последние выстрелы Великой Отечественной войны, и лишь память потомков хранит те страшные события: «Поле русской славы – / Курская дуга» [Там же].

И второе стихотворение приводит читателей на Танковое поле также в мирное время: «Здравствуй, Танковое поле, – / вот и мы к тебе пришли <...> Кто пришел к тебе сегодня – / Знает цену тишине» [Молчанов 2002: 246]. Это размышление автора на месте героических битв русского народа против поработителей.

И третье стихотворение – воспоминание о страшном танковом сражении под Прохоровкой, начинающееся с описания настроения врага:

«Потерпевший под Москвой / И на Волге поражение, / В этом танковом сражении / Враг особенно был злой» [Там же: 247].

Далее упоминается о соотношении сил и непосредственно само описание боя: «Тыща двести танков!.. Пыль / С кровью смешана, с угаром. / С каждым грохотом-ударом / В небеса взлетал ковыль» [Там же], и завершается стихотворение изображением яростного порыва русского танкиста: «Мчался танк сквозь рев и свист / С грозным, яростным размахом, / Словно видел над рейхстагом / Красный флаг слепой танкист» [Там же].

И, наконец, четвертое стихотворение цикла, завершающее кольцевую сюжетную композицию: «И вновь я думаю о доле, / О боли Родины моей. / С платформы «Танковое поле» / Смотрю на солнечность полей» [Молчанов 2002: 248].

Автор заставляет читателей задуматься о цене этой солнечности, мирного неба над головой, свободы, возможности созерцать прекрасные просторы родного края. Платформа «Танковое поле» становится для автора символом мира, надеждой на прекращение всякого рода войн: «Покуда войны есть и боли – / Надеждой светит мне во мгле / Платформа «Танковое поле» – / Платформа мира не земле» [Там же].

В стихотворении «Памяти павших» отражается взгляд наших современников на события далекой войны. Это своего рода стихотворение-благодарность тем, кто отдал свои жизни во имя того, чтобы потомки жили в свободной стране: «Мы жизнью им обязаны до гроба. / И, не теряя вечного родства, / Скорбит о них спасенная Европа, / Склонилась непреклонная Москва» [Молчанов 2002: 259]. Поэт утверждает вечную память о погибших на поле брани: «...Не надо о погибших, как о мертвых – / Они, как прежде, защищают нас» [Там же].

Патриотическую лирику В.Е. Молчанова можно сравнить с политическими одами Горация. Символический образ небесного грома, широко используемый античным автором, можно спроецировать на образ войны в творчестве В.Е. Молчанова, грянувшей как гром среди ясного неба.

Такое устрашающее явление природы римляне называли зловещим предзнаменованием. В нем проявляется необоримая мощь богов, отождествляемая поэтом с судьбой: «только она может сделать низкое высоким, низвергнуть славного, сорвать венец с головы одного, чтобы, ликуя, увенчать им другого». Только если у Горация это войны гражданские, то у нашего современника – Великая Отечественная война, принесшая России столько бед и разрушений.

Показывает поэт и социальные катаклизмы, вызванные политическими преобразованиями 1990-х г.г. Показательными здесь являются стихотворения «Не спасет ни жалость нас, ни милость...» и «Опять раздирают нас страсти...».

Стихотворение «Не спасет ни жалость нас, ни милость...» представляет собой сожаление лирического героя о прошлом, с уходом которого рухнули надежды и мечты о светлом будущем: «Не спасет ни жалость нас, ни милость, / Не достичь желанного мольбой. / Треснуло в нас что-то, надломилось, / Перестало быть самим собой. / Кто-то скажет трезво и толково: / «Зла в том нет, ну разве это зло? / Ничего особого такого / В нашей жизни не произошло...» [Молчанов 2002: 289]. Герою ничего не остается сделать, как смириться и преобразиться в новых условиях жизни, сохранив память о прошлом: «Что ему на это я отвечу? / Что ему на это возражу? / В память о былом зажгу я свечи / И цветы печально возложу. / Посижу с волнением неизбежным, / А когда растает тень огня, / Встану я и снова стану прежним... – / Помяните прошлого меня» [Там же]. В этом противоречии метафорически показывается, что по сути ничего не изменилось, что смена «внешней оболочки» еще не означает внутреннего перерождения целого государства.

Стихотворение «Опять раздирают нас страсти...» – это скрытая аллюзия на смуту 1990-х г.г.: «Опять раздирают нас страсти, / Куда же от них нам, куда? / И снова Россию – на части, / И снова в России – беда». Противоречия можно разрешить, лишь обратившись к исторического опыту

Отечества: «Но, прошлое наше итожа, / Надежду душа затаит, / Что все же, что все же, что все же / Россия опять устоит» [Молчанов 2007: 196]. Разрешить глубокий социально-политический кризис можно лишь опираясь на опыт предшествующих поколений, переживших Смуту, революции, войны.

Подводя итог нашему краткому обзору гражданской лирики В.Е. Молчанова, отметим, что мотивы Родины раскрываются поэтом многогранно и всесторонне. Его гражданская лирика тесно сопряженная с патриотической темой – это взгляд нашего современника на события, происходящие в России сегодня, или минувшие (как и у Горация, который дает обзор современному ему положению в Империи). Автор вскрывает противоречия, из которых складывается окружающая его российская действительность, изображает политические и социальные катаклизмы и способы выхода из них русского народа, его современников.

2.3. Духовное содержание концепции любви в творчестве И. Кобелева

И. Кобелев является автором большого количества лирических произведений на православную тему. Это и стихотворения-посвящения духовным лицам, и воспоминания о миссионерских поездках, и размышления о предназначении человека в земной жизни, о пути, который предстоит пройти душе. Это также стихотворения, написанные по случаю прибытия на Белгородчину или же посещение автором православных святынь. И, пожалуй, в первую очередь следовало бы упомянуть современный поэтический перевод с церковнославянского языка поэмы «Брань честных семи добродетелей с семью грехами смертными...» святителя Иоасафа Белгородского.

Рассматривая проблему воплощения темы любви к Богу в творчестве белгородских авторов, нельзя не обратиться, прежде всего, к поэтическому наследию, к духовной лирике протоиерея Игоря Кобелева.

В лирических произведениях поэт разрабатывает именно мотив духовности, понимаемый им в изначальном смысле этого слова как боговдохновение. Это нашло отражение в таких стихотворениях, как «На страже», «Помилуй, Боже, ты меня», «Господь», «Отец и Мать».

Стихотворение «На страже» – эмоционально насыщенный монолог об истинной вере, о выборе человека между материальным благом и вечном блаженстве в Царстве Небесном.

Повествование ведется от лица воина Понтия Пилата, того самого персонажа Священного Писания, который отдал приказ распять Христа. Воин рассуждает о своем служении, описывает ужасы, которые ему приходится видеть, но, несмотря на всю грязь службы стражником, душа его остается чиста: «Я – честный воин Понтия Пилата. / На страже. Охраняю три креста. / Один динарий в сутки – вот вся плата / За кровь, за пересохшие уста, / За пот и пыль, и стоны трех распятых. / Но, видит Бог, душа моя чиста» [Кобелев 2011: 67].

Стражник честно исполняет свой долг, потому что единственная причина, подвигшая его на такую службу, – это необходимость прокормить семью. При этом он испытывает сострадание к распинаемым: «Я их не осуждал, не издевался, / Не забивал гвоздей в живую плоть. / В сторонке молчаливым оставался...» [Кобелев 2011: 68].

Именно сострадание к невинно наказуемым и привело воина к вере, к истине о высшем, что только может существовать на свете: «Я понял, что у всей вселенской славы / Один лишь Царь – Отец и Сын, и Дух» [Там же: 69].

Это стихотворение можно считать не только размышлением об истинной вере стражника, но и примером того, какими путями люди приходят к Богу. Ведь известно немало случаев, когда убийцы и насильники через истинную веру и покаяние приходили к Богу и обретали спасение.

Помимо таких вот иллюстративных примеров обретения веры в Бога в творческом наследии отца Игоря есть стихотворное переложение пятидесятого Псалма святого царя и пророка Давида «Помилуй мя, Боже...».

В поэтической интерпретации протоиерея Игоря Кобелева он звучит как «Помилуй, Боже, ты меня».

В первых же строк дана мольба к Господу о милости: «Помилуй, Боже, ты меня / По милости твоей великой...» [Там же]. Молящийся перечисляет, в соответствии с каноническим текстом Псалма, свои прегрешения: «Я зло, лукавство сотворил, / И грех мой – вечно предо мною...» [Кобелев 2011: 70], покаянно признает их и просит о милости: «Молю, не выброси меня / В край, где лицо Твое не светит. / Святого Духа не отняв, / Не дай мне вечных мук на свете. / Лишь сердце чистым воссоздай, / Чтоб не истлеть ему во гробе, / И духу обновленья дай / В моей иссохшейся утробе» [Там же].

Человек, знакомый с каноническим текстом пятидесятого Псалма, сразу же отметит фактическую точность поэтической передачи текста автором стихотворения.

Однако же, не только в переложениях канонических текстов у протоиерея Игоря Кобелева возносится слава Богу. Прекрасным примером такого восхваления Творца является стихотворение «Господь», которым поэт достойно вписывается в традицию русской духовной лирики, у истоков которой находится Г.Р.Державин со стихотворением «Бог» (1780 – 1784 г.г.).

С первых же строк автор в соответствии с догматом говорит о величии Бога: «Среди «богов» лишь Ты один – Господь, / И нет иных, Тебе подобных в славе...» [Кобелев 2011: 74], напоминает нам Священное Писание о сотворении мира, о происхождении всего сущего по воле Божьей, ибо все сотворено Богом, а потому, естественно, что все сущее, сама природа воспеваает Господа: «Тебе поют и солнце, и луна, / И холод, и жара, и снег, и ветер, / И дождь, и град, и гром, и тишина, / И всякое дыхание на свете» [Там же: 75]. Произведение Кобелева во многом – и по логике, и по образному строю, и по эмоциональному накалу напоминает Державинское.

Завершается стихотворение излюбленным способом поэта – по кольцевой композиции, в данном случае – все тем же утвердительным

тезисом, с которого оно и началось: «Среди «богов» лишь Ты один – Господь, / И нет иных, Тебе подобных в славе!» [Там же].

Конечно, для истинно верующего человека не требуется доказательств существования Господа, но все же, несмотря на это, в своем стихотворении «Господь» отец Игорь приводит очень убедительные доказательства, показывает величие Бога, роль Творца, божественную заботу о смертных.

Упомянутая тема – тема божественного покровительства – раскрывается в стихотворении «Отец и Мать». Оно о зыбкости бытия, о его хрупкости, непостоянности, изменчивости. И только Господь и Божья Мать – надежная опора для человека, ибо они способны заступиться, позаботиться о нашем благополучии: «Наша жизнь дробится и колется... / Только Мать все плачет и молится / Средь путей каменистых, туманных / Обо всех, о нас окаянных» [Кобелев 2011: 76].

Однако ж, считает поэт, люди позабыли о божественном промысле. Эту мысль протоиерей Игорь Кобелев развивает в следующих строках: «Позабыли, Кто кем нам доводится: / Бог – Отец, а Мать – Богородица. / Расшалились, как дети в квартире, / Развели беспорядок в мире» [Кобелев 2011: 76].

Но, несмотря на то, что люди забыли свое истинное место, не помнят о Боге, о том, кто действительно управляет не только всеми нашими поступками, но и нашими помыслами, порой попуская некоторые греховные из них, Господь все равно управляет миром, пытается выправить несправедные поступки и мысли: «Вот Отец наказать, обучить нас пытается... / Только Мать, как всегда, за всех заступается» [Там же].

Заступничество Матери вовсе не означает противоборства Бога и Богородицы. Напротив, это проявление милосердия со стороны высших сил, которые, как родители, наказывают и жалеют своих нерадивых детей.

Стихотворение «Отец и Мать» – это не аллегория, как может показаться с первого взгляда лицам, но глубокое душевное рассуждение о божественном промысле и месте человека в этом мире. Это одно из

ключевых средств выражения тема любви к Богу в творчестве белгородских поэтов в целом и протоиерея Игоря Кобелева в частности.

Обращение к Богу является основой духовной лирики протоиерея Игоря Кобелева, вдохновляющий для воспевания в посвящениях святым, иконам, описаний православных монастырей и святынь, христианско-церковных праздников.

Последняя из указанных тем отражена в таких стихотворениях, как «Песнь в день покрова Пресвятой Богородицы», «Рождественский гимн», «Вознесение», «Благовещенье». Названия этих стихотворения говорят сами за себя. Даже невоцерковленному человеку ясно, что «Рождественский гимн» посвящен Рождеству Христову.

Это торжественное произведение, славящее приход на Землю Творца. Здесь читатель видит и первую Звезду, возвестившую о рождении Иисуса: «Вновь красит Звезда небо древней планеты, / Вновь Ангелы Божию весть принесли, / Младенцу-Спасителю песни воспеты / От каждого сердца до края Земли» [Кобелев 2011: 80].

Приход Спасителя в мир – великий праздник для всех людей. Ведь в нем воплотилась надежда на спасение грешного человеческого рода, на возможность обновления: «Несет Он свет мира и благоволения, / И тьма отступает и тает вдали. / Встает Солнце Правды, идет обновленье – / До каждого сердца, до края земли» [Кобелев 2011: 81].

Это обновление, духовное совершенствование, великое чудо земного рождения Бога касается каждого из живущих. Его приход – весна человеческого рода: «Небесного Хлеба предвечным рождением / В поля, где суровые вьюги мели, / Приходит Спасенье весенним цветеньем / До каждого сердца, до края земли» [Там же].

Рождение и земная жизнь Спасителя дали обновление роду человеческому, искупление Сыном Божьим грехов смертных и слабых представителей грешного мира – людей обеспечили наше, живущих ныне, будущее.

В финале стихотворения поэт призывает помнить и чтить жертву Бога нашего Иисуса Христа: «Восславим Отца, благодарные дети, / Чтоб веру всей жизнью своей мы несли / Дорогами третьего тысячелетья – / До каждого сердца, до края земли» [Там же]. Ведь только память о Божественной жертве – земной жизни и крестных страданиях Господа, восхваление и прославление этой жертвы, этого высочайшего подвига может обеспечить наше будущее существование.

Таков главный смысл стихотворения, а вместе с ним и праздника Рождества Христова. Этот смысл протоиерей Игорь Кобелев очень отчетливо доносит до массового, возможно, незнакомого с канонами Русской Православной Церкви, читателя посредством поэтической формы.

Стихотворение «Вознесение» повествует о библейских событиях, произошедших на сороковой день после Воскресения Христа – о вознесение Его на небо: «Когда по Воскресении Своем/ Он сорок дней ученикам являлся, / Животворящим, неземным огнем / Их разум, озаряясь, наполнялся. / И вот, за стены града выйдя вон, / Бессмертным Победителем из боя, / На гору встреч привычных – Елеон, / Апостолов повел Он за Собой» [Кобелев 2011: 81].

В стихотворной форме передается завещание Христа ученикам: «В часы прощанья говорил о том, / Что праведно предвидели пророки: / Он приходил, чтоб мир спасти Крестом. / Теперь идти к Отцу настали сроки. / А им – Земли народы просвещать / Евангелия солнцем незакатным, / От лжи и суеверий возвращать / К путям единой Правды благодатным» [Там же: 82].

В момент Вознесения Христа на небо, в чертог Его небесного Отца, апостолам являются ангелы, из уст которых звучит прямой призыв исполнить волю Спасителя: «Что смотрите туда? – сказали им – / Как восходил, вернется Он. Идите / Путем обратным в Иерусалим. / Там исполненья обещанья ждите. / Там Дух Святой сойдет к вам от Отца, / По Новому Спасителя Завету. / Живою верой обновив сердца, / Вы просветите ею всю планету» [Там же].

Эти строки, раскрывающие сущность миссии апостолов, учеников Христовых, завершают стихотворение. Как и в «Рождественском гимне», подчеркивается неповторимость и ответственность святой миссии апостолов, и сама суть праздника «Вознесения»: Христос, выполнив свою миссию на Земле, возвращается в чертоги своего Отца, а его ученики и последователи продолжают его учение на Земле.

Стихотворение «Благовещенье», написанное в день десятилетия священнической хиротонии отца Игоря, – это не только воспоминание о благой вести, принесенной Деве Марии архангелом Гавриилом, но и размышление о божественном промысле и смирении в жизни его автора.

В начале произведения мы видим отражение ветхозаветной истории пророчества – Благовещенья – архангелом Гавриилом о рождении Спасителя Девой Марией: «Внимая благовестью Гавриила, / Грядущих лет приемля свет и тьму, / Пречистая смиренно говорила: / «Да будет Мне по слову Твоему» [Кобелев 2011: 97]. Но уже в последующем четверостишье И.Кобелев переносит это «да будет мне по слову Твоему» на свою собственную пастырскую судьбу: «Для вечности ничто – десятилетье. / Когда Господь призвал служить Ему, / Всем сердцем устремился я ответить: / Да будет мне по слову Твоему» [Кобелев 2011: 97].

Священнический путь таков, что смиренно отдавшись на волю Бога, потом уже всю жизнь идешь, повинуюсь Божьему промыслу, понимая его как свое предназначение. Не исключение и пастырская деятельность отца Игоря.

Свое будущее упование на волю Господа, автор отражает в заключительном четверостишье: «И ныне, как от самого начала, / Весть понесу благою и приму / Что б впереди еще не предстояло. / «Да будет мне по слову Твоему» [Там же].

Последнее слово в своей судьбе лирический герой оставляет Богу, ибо, по его логике, именно Бог является владыкой судеб человеческих, устройтелем нашего бытия. Таким образом, идея Божьего промысла и

человеческого смирения с этим промыслом, упование смертных на волю Господа – вот главные темы данного стихотворения.

«Песнь в день Покрова Пресвятой Богородицы» – это призыв к Божьей Матери, ее прославление. Содержанием стихотворения становится мольба о заступничестве Богородицы. «Сей день дивным светом украшен. / И славит под колокола / Вся Церковь торжественным хором: / «Возрадуйся, Радосте наша! / Покрой нас от всякого зла / Честнейшим Твоим омофором!» [Там же].

Лирический герой обращается с призывом к Богородице, воспеваемой всем православным народом, надеющимся на заступничество, спасение, утешение в скорбях. Недаром на протяжении всего стихотворения мы можем видеть обращения, призывы к Матери Божьей, просьбы: «Ликуй же, Заступнице наша! / Вновь слабых людей защиты / Всесильным Твоим омофором», «Явись же, Предрачнице наша! / На грозную брань укрепи / Победным Твоим омофором» [Там же].

Для протоиерея Игоря Кобелева как поэта Богородица становится вдохновительницей в творчестве: «Зарей неземного рассвета, / Волною безбрежной Любви, / Войди же в сердца всех поэтов / И пламенно их вдохнови / Покров Твой воспеть благодатный» [Кобелев 2011: 80]. Отсюда четкое понимание и определение предназначенности поэта: воспевать Бога, Деву Марию и божественное начало всего сущего. Именно такое творческое кредо определяется в данном стихотворении протоиерея Игоря Кобелева.

Завершается стихотворение типично для Кобелева – по кольцевому принципу – тем же обращением к Богородице, просьбой о предстательстве, с которого оно и начинается: «Возрадуйся, Радосте наша! / Покрой нас от всякого зла / Честнейшим Твоим омофором» [Там же].

Не менее значительное место занимают в творчестве протоиерея Игоря Кобелева и стихотворения – посвящения святым или иконам.

Стихотворение «У иконы Святителя Николая Ратного» – это молитва, просьба о помощи в нелегком земном бытии человека. Здесь мирянина

окружает множество проблем и кажущихся непреодолимыми преград. Но непреодолимы они лишь без веры в Бога. Помощь же угодников Божьих спасает человека даже в безвыходных ситуациях.

Стихотворение начинается с просьбы помочь пройти нелегкий жизненный путь: «Так тернистые, так невеселые / Жизнь открыла пред нами пути... / С Божьей милостью, отче Николае, / Помоги их достойно пройти» [Кобелев 2011: 84]. А далее автор рассуждает об испытаниях, которые Господь посылает людям, чтобы проверить их и укрепить в вере: «Искушений суровую школу, / Испытующей душу и плоть, / По мольбам твоим, отче Николае, / Возрастать нас научит Господь» [Там же]. Далее развивается мысль о судьбе Русской Православной Церкви, которую всегда спасали Божьи угодники, в числе которых и Николай Ратный: «Вновь над Церковью – тучи тяжелые, / Тьмою Русь обступают врази... / Обнажив меч свой, Ратный Николае, / Словом Божиим их порази» [Там же]. Конечно, спасает мир Господь, а Его святые угодники помогают исполнять Его волю, и люди хвалят Бога и Его святых: «С дивной песнью народы Земли / Чудотворцу, отцу и святителю, / Благодарно сердца принесли» [Там же].

Такими строками оканчивается стихотворение. Оно торжественно славит святителя Николая, помогающего роду человеческому на его нелегком жизненном пути.

Таким образом, мы видим, насколько многообразно представлена тема любви к Богу в духовной поэзии протоиерея Игоря Кобелева. Благодаря его творчеству на Белгородчине возрождается забытая прежде духовная лирика.

Поэтическое наследие протоиерея Игоря Кобелева – это пример самоотверженного служения Богу не только пастырской деятельностью, но и великой силой слова. Оно учит нас истинной вере на примерах бескорыстного и самоотверженного служения Богу, воплощенных в поэтическом слове.

ГЛАВА III.

ЖАНРОВЫЕ ФОРМЫ ВОПЛОЩЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ ЛЮБВИ В ПОЭЗИИ БЕЛГОРОДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Исследуемая в работе лирика белгородских поэтов XX – XXI веков принадлежит «поэтике художественной модальности» [Бройтман: 2001, 359], «поэтике нетрадиционализма» [Бахтин 1979: 392], «поэтике неканонической» [Аверинцев 1986: 110], отмеченной радикальным преобразованием жанровой системы и самой сущности жанра. Жанры трансформировались – из канонических они превратились в неканонические, осуществился процесс деканонизации. По выражению Гете, современные поэты склонны «смешивать все жанры, больше того <...> уже не в состоянии отделить один от другого» [Гете 1937: 369].

В XIX веке завершилось стирание жанровых границ. Жанры не отменились и не нивелировались, но обрели новое понимание. Сомнению подверглись канонические границы между жанрами. Из абстрактно классифицирующего принципа жанр превратился «в меру целостности самого произведения».

Для понимания причин этой переориентации жанра нужно учесть, что она коренится в изменении статуса его в системе категорий поэтики. Прежде всего, жанр уступает место ведущей категории поэтики – автору» [Аверинцев 1986: 113].

Меняется соотношение жанра не только с автором, но и с произведением: «целым становится произведение, а жанр – его вариацией; в произведении воссоздаются образы различных жанров, преобразовываются разные жанровые традиции в элементы складывающегося нового нежанрового целого» [Гиршман 1991: 14]. Жанровый принцип организации художественного целого сменяется «лично-родовым» [Там же: 36]. Жанр не теряет своей значимости, а лишь уходит с поверхности произведения в его

глубины. В результате неканонический жанр обретает новый облик, проявляющийся в жанровой модальности, то есть жанр – это отношение между жанрами, стилистической трехмерности, то есть жанр – это образ жанра, внутренней меры, которая заменила жанровый канон.

Современный поэт мыслит не просто жанром, как поэт древний, а отношением жанров и тем самым драматизирует лирическую коллизию. Жанровый универсализм лирических произведений, сочетающий отношение разных жанров в пределах произведения, отмечается исследователями как специфическая черта современного творчества.

В произведениях белгородских поэтов своеобразно проявляется жанровое мышление, существующее в парадигме традиционализма и художественной модальности.

3.1. Баллада как особая форма воплощения концепции любви в творчестве И.А. Чернухина

Помимо традиционной формы лирического стихотворения в творчестве И.А.Чернухина чаще всего встречаются такие жанровые формы, как баллада и лиро-эпическая поэма.

Баллада – это лиро-эпическое сюжетное стихотворение фольклорного происхождения или авторское, но созданное на основе фольклора. Как жанровая форма баллада приобрела популярность в поэзии средневековья и с тех пор, трансформируясь в разные исторические эпохи, приобрела самобытные национальные черты, оставалась одной из главенствующих форм поэзии.

В русской литературе к жанру баллады обращались В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.К. Толстой, А.А. Фет. Интересна трансформация балладного жанра в литературе рубежа XX – XXI веков, обретающего религиозное содержание, например, в творчестве якутского поэта В. Федорова. Его «Баллада о святителе Иннокентии» представляет собой историю миссионерского подвига Иннокентия, первого епископа

Камчатки и Якутского края: «К штурвалу вышел он. Перекрестился. / И сжал судьбу в натруженных руках. / И, поминая, что в краях сих прежде / Его предтечей инок Герман был, / К святому он в спасительной надежде / Горячую молитву обратил <...> Не дал Господь святителю погибнуть, / Не уступил метелям и штормам, / Чтоб на краю земли он смог воздвигнуть / Российский первый православный храм» [Федоров 2008: 104].

В творчестве И.А. Чернухина эта тенденция трансформации балладного жанра получила своеобразное развитие. У него баллада приобретает иные окраски, это, как правило, сюжетные зарисовки, повествующие о событиях Великой Отечественной войны или о далеком историческом прошлом нашей Родины. Чернухин избегает традиционную для данного жанра любовную коллизию и воплощает трагедийный контекст жизни русского народа.

Балладный жанр в творчестве данного поэта приобретает отличительные черты.

К историческим балладам, объектом изображения которых стало давно минувшее прошлое нашего государства, относится «Баллада о побеге».

Сюжет баллады, почерпнутый из бессмертного «Слова о полку Игореве», столь любимого белгородским поэтом, отнесен к событиям после неудачного похода князя Игоря против половцев в 1185 году: «Пируют после битвы половчане, / За стол с собою князя усадив, / А он сидит угрюмый и печальный, / На вина дорогие не глядит, / Все чудится ему / Путивль далекий / И детский плач, / и звон колоколов... / – О чем ты, князь, задумался до срока? / Подружишь с нами – будет хлеб и кров. / Все будет, князь, – и серебро, и золото, / И конь отменных, огненных кровей... / Глядят глаза у хана хитровато / Из-под тяжелых и косых бровей» [Чернухин 2003: 387]. Плененный русский князь приглянулся молоденькой половецкой княжне, которая пытается прельстить его плотской любовью: «Вино подносит князю молодая / Степнячка – половецкая княжна. / Гладит она на князя, не моргая: / – Пей, добрый князь... Тоску свою забудь... / Грешно как дышит грудь ее

тутая, / Как черные глаза ее зовут! / Рука тонка, послушна у запястья, / По пояс косы черный как смоль, / И губы дышат откровенной страстью...» [Там же]. Половцы уверены, что русский князь, польстившись на прелести юной княжны, будет их другом и союзником: «Ночь тяжела. Спокойно в стане вражьем, / И князю душно в этой тишине. / Но чу! / Он слышит, за шатром застыли, / Подкравшись, чьи-то мягкие шаги – / И хохот Гзака, тихий и постылый: / – Ну что, Кончак, друзья мы иль враги? / Он будет наш! / Какой теперь он воин! / Русь далека... А девица красна... / Любовь, Кончак, страшнее, чем неволя, / Хмельнее многолетнего вина» [Чернухин 2003: 388]. Но свободолюбивый дух русского князя жаждет возвращения на Родину: «Но бледен князь. Ложится свет неровный / На белое высокое чело... / Он слышит вновь отчетливо и явно / Сиротский плач и колокольный звон <...> Не выйдет, Гзак!.. Еще напьемся Дону / И княжеские стяги развернем. / За Русь святую постоим стеною – / И победим... или в бою умрем!» [Там же: 389]. Под покровом ночи князь бежит из половецкого стана навстречу свободе, Родине, счастью: «Прощай, княжна, / Спи тихо, без печали. / Гзак говорил, что ты мой верный страж. / Он обманул себя... Ты выручаешь / Меня, княжна... / Спи крепко. Мне пора. <...> ...Летит земля с лесами и полями, / И только свист и пенная луна... / Тревожно ноздри выдувают пламя, / Торопит князь степного скакуна. / Вот и Донец... / Взлетают с криком качки. / Светает. / Недалеко до утра. / И конь храпит. / И ищет яд степнячка, / И плачет Ярославна у Днепра» [Там же]. Половецкой княжне не удастся удержать Игоря ласками. Чувства для него ничто по сравнению с долгом перед Родиной. Это становится лейтмотивом баллады.

Мотив свободолюбия и патриотизма пронизывает балладу. Повествуя о далеком историческом прошлом, она дает пример героического мужества современникам поэта.

Впрочем, мотив торжества общественного над личным пронизывает многие баллады И.А.Чернухина.

«Баллада о героическом батальоне», написанная в память о батальоне А. Бельгина, получившего звание «Героический» в битве на Курской дуге, представляет собой воспоминания единственного оставшегося в живых участника тех героических событий: «Лог Крутой был действительно крут / В том как порох сухом сорок третьем. / Встал комбат и спросил: / Не пройдут? / – Не пройду! – батальон ответил. / Дыбом черным земля. Суший ад. / – Слева танки!.. – / орет кто-то, страшно ругаясь, / – Не пройдут! – повторяет упрямо комбат / И гремит по полям сапогами» [Чернухин 2003: 374].

Повествование о подвиге и героической гибели целого батальона, солдат, отдавших свои жизни за свободу и независимость Родины представлено не в бравурном, псевдогероическом тоне, а с позиций суровой, подчас до ужаса жестокой «оконной правды», не приукрашивающей ни в какой степени жизнь на войне: «Лог Крутой весь истерзан, сожжен и изрыт. / Небо рвут непрерывно над ним самолеты. / – Не пройдут! – политрук, поднимаясь, хрипит / И ведет в рукопашную роты. / А на третьи сутки над степью когда / Приутихло все, за полночь низко / Задрожала одна за другою звезда, / Словно свет полевых обелисков. / И над ними поднялся последний солдат, / Весь в земле, полумертвый, с гранатой, / Еле слышно сказал: /- Все в порядке, комбат, / Не прошли!.. / Не пустили ребята. / Все они полегли... Я остался один / Охранять до конца эти наши высоты... / Я, комбат, ничего... / Пустяки, что в груди / Пули жгут... / Подойдет скоро наша пехота» [Чернухин 2003: 375].

Сюжетная зарисовка исторических событий, облеченная поэтом в балладную форму, воплощена с невероятной эмоциональной силой. Эффект восприятия усиливает повествование от лица комбата, от лица участника боя, единственного оставшегося в живых.

Художественным достоинством данной баллады является также и то, что автор вводит в рассказ две временные линии: военной время, когда героически сражался и погиб батальон А. Бельгина, и наши дни, когда

каждый проезжающий мимо того героического места может остановиться и почтить память героев, отдавших свои жизни за Родину.

В финальной части стихотворения дается пейзажная зарисовка современного Крутого Лога: «...Лог Крутой – и сегодня по-прежнему крут. / Осторожно, водитель, на спуске. / Постоим здесь с тобою десятков минут / У села незабвенного русского. / Как дышать здесь легко! / Это трав аромат, / Это запах гречихи и хлеба... / Приглядишься, здесь, у этих приземистых хат, / Небо выше, просторнее небо» [Там же: 376]. Казалось бы, ничто уже не напоминает о тех страшных событиях, но память о них жива: «Лог Крутой... / Тишина, тишина – / Даже слышно березку на склоне, / Это плачет она, это шепчет она/ Мне балладу о том батальоне» [Чернухин 2003: 376].

Несомненным новаторством для баллады является и непринужденный разговорный стиль. Автор выстраивает эпизоды как диалог между командиром и его батальоном, а затем – между командиром и последним оставшимся в живых солдатом, что создает эффект достоверности. Мы воочию представляем события, очевидцами которых не были и не могли быть. Также диалоги помогают и эмоциональному восприятию баллады, отражая настроение солдат и командира батальона А. Бельгина.

Патриотическую линию в балладном творчестве И.А.Чернухина продолжает также «Баллада о смерти девочки», рассказ, который ведется от лица ребенка, находившегося в эвакуации и наблюдавшего все ужасы оккупации (вполне возможно, что данная баллада имеет автобиографическую основу).

Лирический герой рассказывает о смерти маленькой девочки: «Утром дождливым, в четыре / В доме эвакуированных / Умер маленький житель – / Смуглая девочка Ира... / Я был разбужен внезапно / Женским коротким криком. / Потом все замолкло, и в доме / Ходики только тикали» [Там же: 371]. Показана мать умершей девочки, интеллигентная женщина, отдававшую все для своей дочери: «Светало... / В комнате смежной, / Где

крик разорвался и сгинул, / Увидел я Иркину маму – / Бледную тетю Полину... / В горло вонзались нервно / Тонкие пальцы руки ее... / Судачили, что до войны она / Пела в театрах Киева. / Ее называли красивой, / И почему-то вздыхали...» [Там же]. Лирический герой, наметив линию судьбы матери умершего ребенка, рассказывает и о ее жизни в оккупации: «Ходила она в телогрейке / И довоенной шали. / Была эта шаль единственным / Ее украшением печальным. / В нее она кутала Ирку / В нетопленном доме ночами. / Худенькая, как подросток, / Она уставала очень... / Но после работы сразу / Бежала за хлебом в очередь. / А вечером редко, но пела / Она задумчиво, печально... <...> Про Днепр и высокое небо, / Про верного и коханого...» [Чернухин 2003: 372]. Далее нам дано знать о судьбе мужа тети Полины: «А писем ей все-таки не было./ И не было ей переводов / По воинскому аттестату... / Шептались об Иркином папе / Как о погибшем солдате. / Но Иркина мама ни разу / Не говорила о муже... / Шли с фронта тревожные вести. / С едой становилось все хуже...» [Там же]. Тем не менее эта женщина держалась уверенно: «Держалась она уверенно / И никогда не плакала. / На рынке за хлеб и картошку / Меняла последние платья... / Я только однажды видел / В глазах ее темных слезы, / Когда заболела Ирка / В марте туберкулезом...» [Чернухин 2003: 373]. Сильная женщина была сломлена. Известие о болезни единственной любимой дочери подорвало ее, а смерть окончательно сломала твердый, уверенно борющийся за выживание дух: «А там на полу бездыханно, / В рубашке одной, босая / Сидела тетя Полина / С распущенными волосами» [Там же]. Впоследствии у лирического героя не осталось более тяжелых воспоминаний, чем то страшное утро, когда умерла маленькая Ирка: «Шумел монотонный дождик. / Мне боязно было и душно... / Я плакал впервые, как взрослый, / Уткнувшись поглубже в подушку. / Я плакал, как плачут мужчины – / Беззвучно, гортанно и трудно... / Я после не помню другого – / Такого тяжелого утра» [Там же].

В этой балладе представлена история жизни и смерти. Мы увидели здесь все: и довоенное прошлое Иркиной мамы, и фронтовое настоящее

мужа, отца семейства, тяготы и лишения жизни в эвакуации, болезнь и смерть ребенка. Также в произведении можно наблюдать и морально-нравственное взросление лирического героя, от лица которого ведется рассказ. Мальчик видит смерть и становится уже не мальчиком, а мужем («Я плакал, как плачут мужчины...»). Смерть становится самым страшным воспоминанием о войне («Я после не помню другого – / Такого тяжелого утра»).

Таким образом, И.А. Чернухин трансформирует, наполняет традиционный жанр баллады новым содержанием, осовременивает. Героями его балладного творчества становятся не только влюбленные, романтические персонажи, но также реальные лица исторического прошлого России (например, князь Игорь в «Балладе о побеге»), герои Великой Отечественной войны (последний солдат из батальона А. Бельгина в «Балладе о героическом батальоне»), современники поэта, пережившие страшные годы войны (лирический герой из «Баллады о смерти девочки», сама умершая от туберкулеза Ирка и ее мать).

Разговорный стиль, диалогичность, придают балладному творчеству И.А. Чернухина максимальную жизненную достоверность. Можно воочию представить себе и последний бой батальона А. Бельгина («– Слева танки!.. – / орет кто-то, страшно ругаясь, / – Не пройдут! – повторяет упрямо комбат / И гремит по полям сапогами»), и прочувствовать состояние лирического героя, видевшего смерть девочки Ирки и горе ее матери («Я плакал, как плачут мужчины – / Беззвучно, гортанно и трудно...»), и увидеть патриотизм плененного князя Игоря («Не выйдет, Гзак!.. Еще напьемся Дону / И княжеские стяги развернем. / За Русь святую постоим стеною – / И победим... или в бою умрем!»). Все это свидетельствует о незаурядном мастерстве И.А. Чернухина в балладном жанре. Его произведения неповторимы и легко узнаваемы. Это не просто сюжетные повествования, но повествования о насущном, наиболее реальном. Они проникнуты не далекими современнику романтическими мотивами, но историями реальных

людей, узнаваемых и типичных представителей нашего времени. И в этом великий художественный вклад И.А. Чернухина в создание нового жанрового балладного направления в белгородской поэзии рубежа XX – XXI веков.

3.2. Лирическое стихотворение как форма воплощения гражданской лирики в творчестве В.Е. Молчанова

Творческое наследие В.Е. Молчанова в большинстве представлено лирическими стихотворениями. Они становятся универсальной жанровой формой его творчества.

Лирические стихотворения у В.Е. Молчанова – как правило, представляет собой небольшие пейзажные зарисовки Белогорья (цикл «Русская окраина»).

Открывается цикл «Русская окраина» стихотворением «Новая Таволжанка», что вполне естественно: там прошли детские и отроческие годы поэта. Именно с этим селом у поэта связаны самые приятные и теплые воспоминания. Второе стихотворение цикла – «Муром» – рассказывает о родном селе матери поэта: «Село как село... / Есть, быть может, милей, / Хоть в том я имею сомненье. / Для матери бедной, безродной моей / Оно – родовое именье» [Молчанов 2003: 212]. Далее рассказывается родословная героя. Он говорит о некогда живших здесь отце и деде, но ныне в Муроме не осталось даже родных могил: «Земля моих предков – всей жизни венец, / Отсюда текут в меня силы. / Здесь дед мой родился... / Здесь вырос отец... / А нету родимой могилы» [Там же]. Печальная картина запустения предстает нашим глазам: «И сад наш порубан... / Плодов – не сорвать, / Лишь пни – на костер смолокурам, / Да купол церковный сияет опять / В былинном селе моем – Муром» [Там же].

В.Е. Молчанов воспеваает родное ему село, сравнивая его с былинным городом Муромом, из которого, согласно преданию, происходил богатырь Илья Муромец. Он с сожалением говорит о современном состоянии села и в

стихотворении «Безлюдовка», в котором показывает опустевшее село, теперь уже полностью оправдывающего свое название: «Неужели нужно вспять / Речку – это ж трудно! / Чтоб в Безлюдовке опять / Стало многолюдно. / Неужели это крах, / Граждане мирские, / Коль все чаще на полях / Люди городские» [Молчанов 2003: 212]. Выражается мысль о том, что пришедшая в село цивилизация убивает его самобытность: «Газ... Тепло... Водопровод... / Не пришли ж к вам сами./ Так что выше нос, народ, / Тот, что сам с усами» [Там же: 213]. В завершении стихотворения автор дает жителям Безлюдовки наставления трудиться, беречь свои традиции, чтобы сохранить самобытность села: «Хлеб растите, пейте квас, / Как когда-то раньше. / И пошлите всех вы нас / В город и – подальше! – / Чтоб не надо было вспять / Речку – это ж трудно. / И не бойтесь, что опять / Станет вдруг безлюдно» [Там же].

Условно форму этого лирического стихотворения, восхваляющего деревню, можно было бы соотнести с одическим жанром, впрочем, совсем не классическим, в соответствии с жанровым законом, а трансформированным, но сохранившим жанровую содержательность.

Вера в лучшее будущее русского села свидетельствует об оптимизме В.Е. Молчанова. Он призывает жителей вымирающей Безлюдовки встряхнуться, вспомнить о своих заботах и сохранить родное село, веря, что все у них получится.

В стихотворении «Добрая Воля» поэт рассуждает об образовании самого села, обрисовывает его окрестности: «Как здесь голо... Степь да поле. / Крыши снегом занесло. / Не по доброй, видно, воле / Образовано село» [Там же], иронично делая замечания о замысле основать село в таком месте: «Может, сдуру, может, спьяну / Кто-то вбил здесь первый кол? / Может, выслали смутьянов / От греха и прочих зол?» [Там же]. Следующим четверостишьем утверждается основная позиция Доброй Воли и его жителей: «Испытав лихую долю, / Пережив крутую власть, / Тяга к воле в Доброй Воле / С той поры и прижилась» [Там же]. Поэт одобряет такую жизненную

позицию селян, ему нравится это село и его атмосфера: «Хорошо здесь! Степь да поле... / Хорошо здесь! Снег везде... / Не случайно в Доброй Воле / Столько воли, как нигде...» [Там же].

Мотив пьянящей и дурманящей воли становится лейтмотивом этого стихотворения. В.Е. Молчанов жизненно достоверно передает дух, пронизывающий Добрую Волю, подтверждая символичность названия села.

Стихотворения «Вознесеновка» и «Большая Троица» – это своеобразные зарисовки прошлого и настоящего белгородских сел. Топонимическое происхождение названий стихотворений напоминает времена гонений на Русскую Православную Церковь, что находит прямое отражение в стихотворении «Вознесеновка»: «Нет нам от глупости спасенья, / Былое много бед таит. / Давно нет Храма Вознесенья, / А Вознесеновка стоит!» [Молчанов 2003: 214]. Далее лирический герой рассуждает о прошлом, о том, что творили безбожники. При этом строки стихотворения пронизаны мотивом покаяния за прошлые грехи: «Мы начудили очень много. / Ломать – не строить. И – пошло! / Но, видно, так угодно Богу, Чтоб уцелело то село. / Все ж вопреки мольбе народа, / Ругаясь в бога-душу-мать, / Здесь церковь в памятные годы / Успели все же разломать» [Там же]. Церковь и ныне остается в руинах. Ей уже не дожидаться своего воскрешения. Ведь восстановленное здание не будет проникнуто тем духом, что обитал здесь ранее. Но село, которому Храм Вознесения дал жизнь, живо до сих пор. А значит, жива и наша духовная память: «Ей не дожидаться воскрешенья, / Былое много бед таит. / Давно нет Храма Вознесенья, / А Вознесеновка – стоит!» [Там же].

Очевидны в этом стихотворении элегические мотивы, поднимающиеся в своей тональности до гражданственного звучания.

Это стихотворение, видимо, можно отнести к гражданской лирике, но также и к элегическо-философической поэзии В.Е. Молчанова.

В стихотворении «Большая Троица» представлена своеобразная народная топонимическая этимология, объяснение названия села через

призму воспоминаний о политических перебранках, коснувшихся его: «Заполнив звуками околицу, / Где бушевала тишина, / Живет село Большая Троица – / Обида наша и вина. / Гутаря разными акцентами, / Жило оно когда-то всласть, / Сравнявшись рангами с райцентрами, / Потом опять отняли власть» [Молчанов 2003: 214]. Политические катаклизмы привели село в упадок: «Теперь не так здесь дело спорится: / Уродит свекла – нет зерна. / И все ж прошу, Большая Троица, / Ты уменьшаться не должна» [Там же: 215]. Далее следует обращение непосредственно к селу, в котором автор утверждает веру в мощь и силу Большой Троицы: «Пускай за власть другие борются, / А ты сильна совсем иным: / Не забывай о том, что кроется / За чистым именем своим» [Там же].

Село с таким название должно, несмотря ни на что, гордится своим именем – такова главная мысль стихотворения, в воплощении которой присутствует хоть и не очень глубокая философия в размышлениях о судьбе села с божественным названием, что включает жанр и этого произведения в элегическую традицию.

Стихотворение «Белый Колодезь» – это поэтическое восхищение поэта одноименным селом и его главной достопримечательностью: «В каждой округе есть свой иноходец, / В каждой округе свои соловьи. / Белый Колодезь! Белый Колодезь! / Чистой водою меня напои» [Там же]. Рассуждение о благодати Колодца, живительная сила которого утоляет жажду, физическую и духовную, продолжает стихотворение: «Знаю, что двери навстречу откроешь, / Выпорхнешь ласточкой из-под стрехи. / Знаю, что дочиста душу отмоешь, / Да и отмолишь мои все грехи. / Хлеба мне дашь и воды наколотишь / С медом гречишным, что к сроку поспел. / Белый Колодезь! Белый Колодезь! / Как не хочу я, чтоб ты почернел» [Там же]. В финале стихотворения высказывается пожелание Колодцу, выражается надежда на его неиссякаемость: «Пусть пролетают, печалю нас, годы, / Как журавли по родной стороне, / Лишь бы живительно-чистые воды / Не иссякали в твоей глубине» [Там же].

В стихотворении «Отрадное» выплеснута боль лирического героя о прошлом села, коснувшаяся и его личной судьбы: «Надоели мне речи парадные, / Я от них уже криком кричу. / Укачу я, наверно, в Отрадное, / Где все боли свои залечу» [Молчанов 2003: 217]. Однако же тяжелая военная судьба села чувствуется и поныне: «Поле хлебное... Вышло, что ратное... / Как по минному полю иду. / И уже не отрадным Отрадное / Вижу в том сорок третьем году. / Поле хлебное... Боль неоплатная... / Скорбных окон безрадостный взгляд. / Сохраним в своем сердце, Отрадное, / Безотрадно погибших солдат» [Там же]. Все это проносится в сознании лирического героя. Он не был в Отрадном. Очевидно, что тяжелое военное прошлое этого села мешает ему посетить его: «Нет – я знаю! – дороги в обратное. / И, сжимая всю волю в кулак, / Сколько лет уже еду в Отрадное / И никак не доеду, никак...» [Там же].

В форме лирического стихотворения воссоздаются события Великой Отечественной войны, отголоски которой до сих пор не дают покоя его лирическому герою. Он мастерски передает пронзительную боль о минувшем.

Универсализм жанра лирического стихотворения проявляется в очень изящном освоении потенциала средневекового литературного жанра плача, именно литературного, а не фольклорного, что очень удачно иллюстрирует процесс мышления современного поэта, мышления жанрового в своей основе.

Поэтический дар В.Е. Молчанова проявлен в оксюморонном сочетании названия села и содержания стихотворения, выражающего печаль о нелегкой судьбе села.

В завершающем цикл стихотворении «Маслова Пристань» В.Е. Молчанов уже по устоявшейся схеме изображает упадок одного из сел Белогорья – Масловой Пристани: «Смотрю я на край свой безмолвно и пристально: / В искусственном море мертвеет вода. / Давно нету пристани в Масловой Пристани, / И с маслом – скажу я вам – тоже беда» [Молчанов

2003: 218]. Очевидная наивность топонимической этимологии, впрочем, работает на логику стихотворения: нет Пристани – нет и масла – значит, беда; кто виноват? Жанр инвективы вступает в права, потому названы виновники запустения – вечно спешащие, разрушающие природу люди: «Вам некогда, люди? Вы скорости просите? / Пойдем вам навстречу – не жадные, чай... / Сквозь бор прорубили дорожную просеку, / Никто ведь не спросит: срубил – отвечай» [Молчанов 2003: 218]. Иллюстрируются и страшные последствия такого обращения с природой: «Пока еще здравствуют, даже не хилые, / Дубовые рощи, боры да луга, / Но в мелкой речушке, затравленной химией, / Не плавают рыба, исчезла куга» [Там же: 219]. Выражены мечты о возрождении некогда полноводной судоходной реки. Но эта мечта остается не более чем мечтой, хоть и весьма оптимистично завершающей стихотворение: «Закрою глаза... И, как водится исстари, / Представлю Донец, где большая вода. / С Азова и Дона до Масловой Пристани / Идут вереницей большие суда...» [Там же]. Возрождение возможно в воображении, отсылаемом в прошлое.

Жанры инвективы не выдержан, впрочем, к этому и не обязывает свободная форма современного лирического стихотворения.

Оптимистический взгляд на возрождение сел Белогорья является основной темой поэтического цикла «Русская окраина», в котором лирика наполнена вновь тревогой за судьбу Родины, как, например, в стихотворении «Родина сердечная...», где каждый штрих пейзажной зарисовки наполнен лирическим чувством: «Родина сердечная, / Солнце над полями, / Где холмы заречные / Заросли кустами. / Где, кренясь под ветрами, / Пыльными и рыжими, / Две березки светлые / Жили и не выжили. / Где реки излучина / Расплескала воды / И луга пахучие / Распахали годы» [Молчанов 2003: 220]. Лирический герой стихотворения не отделяет себя от Родины. Он ее неотъемлемая часть: «Где земля ковыльная, / Как богатство высшее. / Где тропинкой пыльною / на дорогу вышел я» [Там же]. В последнем четверостишье высказана главная мысль стихотворения: «Где, как память

вечная, / Кладбище с крестами. / Родина сердечная, / Что же будет с нами?» [Там же].

Но если «Родина сердечная...» оставляет у нас какое-то сомнение, недосказанность, то стихотворение «Россия... Родина...» представляет собой утверждение величия России, ее вечности. Типично для В.Е. Молчанова начинается оно с описания родных автору просторов: «Россия... / Родина... / В высоком / Сиянье звездном небосклон, / И в чистом поле за проселком / Вечерний наковальни звон» [Молчанов 2003: 221], затем переходит к «малой Родине», к родному селу: «Огни родимого селенья, / Гармошки голос в стороне, / И речки вечное течение – / Пока я жив – живут во мне» [Там же], и завершающее четверостишие утверждает вечность Родины и неизбывной любви к ней: «И будут жить, / Пока в высоком / Сиянье звездном небосклон, / А в чистом поле за проселком / Вечерний наковальни звон» [Там же].

Таким образом, гражданский пафос, отражающий позицию лирического героя в произведениях В.Е. Молчанова, воплощается в форме лирического стихотворения, жанровой содержательностью которого органично усвоены традиции оды, элегии, гимна, инвективы и плача, что способствует более яркой выраженности концепции любви.

3.3. Формы воплощения духовной любви в поэзии И. Кобелева

Формы воплощения духовной любви в поэзии И. Кобелева тяготеют к традиционализму: либо к клерикальному, либо к классическому.

В духовной поэзии И. Кобелева представлены гимнографические посвящения духовным лицам, песни, медитативные формы, чаще стихотворные молитвы.

К медитативной лирике обращались А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, М.И. Цветаева, А.А. Ахматова и многие другие. Эта форма присутствует в поэтическом наследии едва ли не каждого классика. У истоков этой традиции стоит стихотворение И. Никитина «Молитва дитяти», давшее образец сочетания канонического и новаторского – молитва к Богу за помощью и

дидактизм: «Молись, дитя: сомненья камень / Твоей груди не тяготит; / Твоей молитвы чистый пламень / Святой любовью горит. <...> Молись, дитя, мужай с летами! / И дай Бог в пору поздних лет / Такими ж светлыми очами / Тебе глядеть на Божий свет!» [Никитин 2008: 23].

Стихотворные молитвы в творчестве И. Кобелева представлены «Детской молитвой ко Святителю Иоасафу», «Святителем Иоасафом пред Песчанской иконой Божьей Матери» и др.

«Детская молитва ко святителю Иоасафу» пронизана искренним, теплым чувством к святителю: «Сегодня – яркий день, красивый, славный! / Как солнышко встречая, удивлюсь, / К тебе, святой Владыко православный, / От всей души я тихо помолюсь» [Кобелев: www]. Молитва исходит их уст ребенка искренне, непосредственно, по-детски просящего святителя Иоасафа о защите и милости: «Святитель, светлый Ангел Белогорья! / Защита наша в каждый день и час! / Когда мы рады и когда нам – горе, / Мы верим: просишь Господа за нас. / Проси за нас, чтоб солнышко светило, / А темной ночью – звездочки с Луной, / Проси, чтобы добра на всех хватило / И не было печали ни одной... / Проси, чтобы тебя Господь послушал / И милостью, как раньше, и сейчас / Любовью и теплом согрел нам души / И на родной земле хранил всех нас!» [Кобелев: www].

В заключительных строках искренне утверждается святая вера: «С великим днем тебя мы поздравляем! / Пусть многих лет проходит череда... / Всем сердцем любим, верим, прославляем / И знаем, что ты – с нами навсегда!» [Там же]. Мышление ребенка отражено в поэтическом словаре, в словах с уменьшительно-ласкательным значением: «солнышко», «темной ночью», «звездочки», – а также оборот «не было печали ни одной», выражающий детское, неглубокое понимание печали ребенком. За детскими наивными просьбами сокрыт глубокий смысл. Ведь из уст ребенка исходит горячая, всегда слышимая святыми молитва о благополучии. Он просит добра, милости, любви – всего того, чего так не хватает «грешному миру взрослых». С другой же стороны, автор подчеркивает здесь силу святого

заступника Белогорья, который навсегда остается защитником и покровителем православного народа.

Медитативность – отличительная черта произведений И. Кобелева.

Стихотворение «Святитель Иоасаф пред Песчанской иконой Божьей Матери» написано от имени самого святителя и также представляет собой молитвенное обращение к Богородице. Из первых уст мы узнаем, как горяча, сильна и искренна молитва святителя Иоасафа, словно касаемся той благодати, которую ощущал лирический герой, находясь перед иконой Божьей Матери: «Этот образ я видел во сне. / Все так явственно происходило... / Голос свыше звучал, и ко мне / Благодати волна исходила» [Кобелев 2011: 100]. Страстное начало сменяется воспоминанием лирического героя о молитве: «И однажды в вечерней тиши / на изюмском приходе убогом / Во внезапном смятении души / Я склонился в молитве пред Богом» [Там же]. Лирический герой, молясь, внезапно обнаруживает икону: «И в притворе, в угле и в пыли / Я заметил: икона стояла, / Лик Царицы Небес и земли, / И во тьме благодать воссияла» [Там же]. Он испытывает молитвенный экстаз: «Миг – и хлынули слезы из глаз. / Я склонил перед Нею колени / В этот скорбный и радостный час / За народ в покаянном молении» [Кобелев 2011: 100].

Поэт передает состояние своего лирического героя, святителя Иоасафа Белгородского, словами его же молитвы: «О, не ведают, что здесь творят! / О Пречистая Мати, прости им!.. / ...Льются слезы и звезды горят / Над просторами Малороссии...» [Там же].

Последние строки – эпилог, подчеркивающий особенное таинство ночной молитвы святителя Иоасафа, ее особую роль и силу.

И. Кобелев проникновенно отразил молитвенное состояние святителя Иоасафа. При прочтении складывается впечатление, что строки стихотворения принадлежат не нашему современнику, а самому святителю, столь глубоко прочувствован автором этот образ.

Говоря о песнях в лирическом наследии И. Кобелева, важно рассмотреть «Песнь в дни принесения на святое Белогорье ковчега с частицей мощей Святого Благоверного великого князя Александра Невского 21-23 мая 2008 г.» и «Песнь на принесение в г. Курск и Коренную Пустынь чудотворной Курской-Коренной иконы Пресвятой Богородицы 23 сентября – 2 октября 2009 г.».

«Песнь в дни принесения на святое Белогорье...», жанр которого обозначен в названии, выражает радость православного священника в связи с посещением великой святыни Белгородской земли: «Не ждали мы и не мечтали даже, / А вот – с мощами – с нами ты сейчас! / Святой великий Александре, княже, / Ко Господу молись о грешных нас!» [Кобелев 2011: 112]. Поэт вспоминает явление святого в земную жизнь: «В жестокий век Святой Руси на страже / Явил тебя Господь в суровый час. / Святой великий Александре, княже, / Ко Господу молись о грешных нас!» [Там же]. Александр Невский – великий заступник России – всегда являл свою помощь в критические моменты истории нашего государства: «Меч шведов и тевтонцев, сильных в раже, / Сломил твой православной правды глас. / Святой великий Александре, княже, / Ко Господу молись о грешных нас! / Дар примиренья твой, премудр и важен, / Монголов тьму отбросил прочь не раз. / Святой великий Александре, княже, / Ко Господу молись о грешных нас! / И схимой – шлемом облечен церковным, / Перед кончиной, в свой рубежный час, / Монахом ставший – воином духовным, / Ко Господу молись о грешных нас! / В минувший страшный век Отчизны крылья / Ты укрепил среди воздушных трасс. / Врагов твоя разила эскадрилья. / Ко Господу молись о грешных нас!» [Кобелев 2011: 112]. Александр Невский как великий заступник земли Русской спасал наше Отечество от крестоносцев и монголов, по молитвам к нему уберег от фашистской авиации, и ныне православные обращаются к нему с молитвами о заступничестве: «На рубеже эпох и ныне скажем: / «В стремительного века трудный час, / Святой великий Александре, княже, / Ко Господу молись о грешных нас!» [Там же: 113]. У

стихотворения излюбленная И. Кобелевым кольцевая композиция, выражающая ликование лирического героя и всего православного народа Белогорья по случаю прибытия великой святыни на нашу землю: «Не ждали мы и не мечтали даже... / В духовной битве рядом и сейчас, / Святой великий Александре, княже, / Ко Господу молись о грешных нас!» [Там же].

«Песнь на принесение в г. Курск и Коренную Пустынь...» представляет собой обращение к самому образу Пресвятой Богородицы: «Яркое Солнце лучистое / В жизни земной, быстротечной, / Радуйся, Мати Пречистая, / Знамение радости вечной!» [Кобелев 2011: 115]. Далее автор дает краткую историю обретения иконы: «Образ Свой дивно явившая / В древней дубраве заречной, / Радуйся, Русь озарившая, / Знамение радости вечной! / Чудом Свой лик ограждавшая, / Меч и огонь был не страшен, / В битвах врагов побеждавшая, / Радуйся, Радосте наша!» [Там же: 116]. Божья Мать всегда была помощницей верующим: «К страждущим благоволившая, / Радуйся, в образе зрима, / В отрочестве исцелившая / Будущего Серафима!» [Там же]. Автор представляет нам также страшную историю послереволюционных гонений на Церковь, которые вынудили икону покинуть пределы нашей Родины: «Лик Свой от взрывов хранившая, / Вновь адский гнев был погашен, / Ярость врагов посрамившая, / Радуйся, Радосте наша! / Власти безбожной вторжение / Видя во пламени бранном, / Образ от уничтожения / Скрыла Ты за океаном. / Всех православных сплотившая / За рубежами Отчизны, / Славься, сквозь годы светившая, / Знамя их веры и жизни!» [Кобелев 2011: 116]. Отец Игорь выражает искреннюю радость по поводу возвращения, пусть и временного, Образа Божьей Матери на Курскую землю: «Вновь Свой удел – Русь державную / К вере святой обратила, / Вновь землю Курскую славную / В Образе Ты посетила!» [Там же]. Заключительное четверостишие утверждает искреннюю веру в заступничество Святого Образа Божьей Матери в тяжелый времена рубежа веков: «Бури эпохи мы выстоим! / В вышней любви бесконечной / Радуйся, Мати Пречистая, / Знамение радости вечной!» [Там же: 117].

Лирические песни И. Кобелева строятся по выработанной поэтом схеме: известие о событии (прибытии в Белгород / посещении святыни), истории святыни / святого, призыва к помощи в трудный час, утверждения искренней веры в помощь небесного заступника.

Особая роль в поэтическом наследии И. Кобелева принадлежит сонетам. Сонет традиционно определяется как структурно фиксированный жанр лирики, состоящий из четырнадцати строк, и в классическом виде, петраркистского и шекспировского образцов, предполагающий диалектическую логику в развитии лирически окрашенной мысли: тезис – антитезис – вывод. Рассматривая сонеты И. Кобелева, являются привлекательными «Сонет светлой памяти протоиерея Иоанна Абрамука», «Перед Пасхой», «Юбилейный сонет».

«Сонет светлой памяти протоиерея Иоанна Абрамука» – это стихотворение, написанное на день кончины отца Иоанна. В данном случае в произведение привносится содержательность клерикального жанра экзамплы (примера) и агиографических мотивов. Поэт сравнивает человеческое бытие с жизнью в пустыне: «Средь шума городского мы – в пустыне, / И все внимаем гласу одному: / «Путь приготовьте Господу отныне. / Прямыми сделайте стези Ему!» [Кобелев 2011: 77]. Этими строками характеризуется жизнь отца Иоанна, посвятившего свое земное бытие служению Богу. И вот с его уходом Церковь лишилась одного из своих подвижников: «На что же мы смотреть пришли сегодня? – / На гроб ли твой, отец наш Иоанн? – / Так он, впитавший кровь сердечных ран, / В дни празднества на плечи наши поднят...» [Там же].

В финальной части стихотворения автор призывает взять на вооружение жизненный пример покойного отца Иоанна и стяжать себе Царствие Небесное честным служением Богу: «Постом, трудом, молитвой и смиреньем / Достичь Небесных врат смогли и мы» [Там же].

Пост, труд, молитва и смирение – вот проводники в Царствие Небесное, ведя праведный образ жизни, можно достигнуть райских чертогов. Именно

эту мысль развивает в своем стихотворении отец Игорь. Он показывает нам пример истинного христианина, достойного Царствия Небесного.

Наполненный дидактизмом сонет «Перед Пасхой» – это своего рода поучение православному христианину, как надо вести себя накануне Великого Праздника: «Хотя бы перед Пасхой не грехи. / Смири в себе звериное начало, / Чтоб не рвалось оно и не рычало / В минуты просветления души» [Кобелев 2011: 66]. Поэт-священник приводит в пример младенцев, которые живут и радуются жизни, ни к кому не питая злобы: «Смотри, как безмятежны малыши: / Едва войдя в наш мир из Дали вечной, / Они стократ нас, взрослых, человечней, / Для них все твари Божьи – хороши, / Покуда их поступки, даже вид, / Не сделают душе иль телу больно, / Сойти заставив с чистого пути...» [Там же: 67]. Финал сонета выполнен как завершение жанра пасхальной проповеди – по-праздничному торжественно, по-проповеднически страстно с призывом усмирить свои страсти и праздновать Пасху: «Христос воскрес! Он в дверь твою стучит. / Скажи: «Прочь, зверь! Ты жил во мне довольно!» / Сын Божий ждет. Впусти Его. Впусти!» [Там же].

В творчестве И. Кобелева сонет приобретает черты, несвойственные ренессансным сонетам, прежде всего, назидательность. Клерикальный дидактизм изменяет содержание. Характерная тема интимной, плотской любви уступает место любви духовной, возвышается до любви к Богу. Он становится проповеднически страстным, поскольку обращен к пастве и пронизан моральными призывами стать достойными Божественной любви.

«Юбилейный сонет», посвященный архиепископу Белгородскому и Старооскольскому Иоанну в день пятидесятилетия, представляет собой восхваление высшего духовного лица в епархии. Автор выражает поздравления от лица всего православного Белогорья: «С ярким чувством восхищения в душе, / В первый день сентябрьский, пенью Церкви вторя, / Вас, Владыка, на великом рубеже / Поздравляет весь народ на Белогорье» [Кобелев 2011: 117]. Протоиерей Игорь Кобелев говорит о предначертанном

Богом архипастырском служении Владыки: «Архипастырство Вам свыше суждено – / Эта истина для всех нас непреложна. / Обозреть и оценить с трудом возможно, / Что построено и что возрождено...» [Там же]. Поэт от себя лично и от всей паствы выражает признание и любовь архиепископу и желает ему, по православной традиции Божьей милости: «Всю любовь не в силах выразить словами, / Вам всех благ стремимся пожелать, / Словно пламя, что пылает все сильнее. / Жить, служить многая лета с Вами, / Благодатным вдохновением пылать / Пусть Господь нам даст по милости Своей!» [Там же]. Сонетная форма по существу выполняет одическую функцию и придает литературную изысканность и изящество поздравлению по поводу юбилея православного иерарха.

Жанровая система в творческом наследии И. Кобелева представлена весьма разнообразно. Таким образом, жанр сонета в творчестве И. Кобелева трансформируется, наполняется новым содержанием (переход от интимной любви к духовному началу), становится проповедническим и дидактически назидательным. Соответственно, изменяются и функции сонета: от выражения любовного (интимного) переживания И.Кобелев переходит к обращению к народу с целью показать пример духовного совершенствования. Все это делает вклад данного автора в поэзию Белгородчины неоценимым, новаторским, ранее еще никем не использованным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проделанная нами работа явилась опытом историко-генетического, сравнительно-исторического и, частично, типологического метода изучения лирических форм. Цель ее – исследование поэтической концепции любви, воплощенной в творчестве белгородских поэтов И.А. Чернухина, В.Е. Молчанова, И. Кобелева.

В основу анализа концепции любви лег образ лирического героя, в сложном мире чувств которого центральное место занимает именно любовное переживание. Важно было понять взаимодействие предмета художественного изображения и выбранной поэтом литературной формы. При этом за центральный фактор, раскрывающий образ человека, принимается концепция любви в прямой связи с категорией идеала, обуславливающего ее этико-эстетическое наполнение.

Поэты познают в человеке нечто принципиально новое, и стремятся это новое сделать основным, самым главным, самым важным в своей изменившейся трактовке образа героя, в своем изменившемся изображении мира. Действиями физическими, действиями внешними была богата вся предшествующая литература, действия внутренние в их столкновении стали известны только теперь. Отсюда максимум внутреннего движения героев при минимуме движений внешних.

Вместе с тем было бы неверно полагать, что особое выделение внутреннего мира и примат чувств над действием героев проходит у героев названных поэтов при полном разрыве внешнего и внутреннего. Внешнее в поэтике белгородских поэтов обусловлено внутренним, в свою очередь, уточняет и усиливает это внутреннее.

Внутренний мир героев лирики малых форм – по преимуществу мир не мысли, но чувства. В мировосприятии и мирознании поэзии белгородских авторов осуществляется объединение начал – анализа и синтеза.

Художественное мышление предстает по-новому синкретичным. Новизна видения мира обуславливает и новизну трактовки образа человека и трактовки концепции любви, этим образом формирующим.

Многогранные мотивы любви в лирике белгородских поэтов образуют единую концепцию любви, в которой можно выделить несколько поэтических направлений, таких как:

- патриотическая лирика;
- духовная лирика;
- интимная лирика.

Эти направления преобладают в разной степени у разных авторов.

Так, творчество протоиерея Игоря Кобелева – это новая эра в возрождении и развитии духовной поэзии. Он создает необыкновенные по глубине произведения, восхваляющие величие Творца и Его угодников.

Образная система, способы воплощения мотивов и тем в творчестве настолько разнообразны, что иногда просто трудно поверить, что все это поэтическое многообразие объединяет единое авторское начало.

«Внешний вид образной системы произведений отца Игоря настолько пестрый, нарядный, стилистика и характеры настолько разные, что не перестаешь удивляться, как все это могло быть написано одним автором. Кто его лирический герой? Наверное, более всего романтик», – пишет в предисловии к сборнику «На рубеже» Н.В. Дроздова.

И действительно, лирический герой протоиерея Игоря Кобелева – это и шаловливый мальчишка («В школе»), и боец красной армии, и искренне молящийся ребенок, и пастырь в миссионерском пути, и паломник у святыни, и, наконец, сам святитель Иоасаф – вершина творческой эволюции отца Игоря.

Исследование образной системы поэтического наследия протоиерея Игоря Кобелева открывает перед нами становление и эволюцию образной системы белгородской поэзии.

Лирика В.Е. Молчанова и И.А. Чернухина – это гимн Родине, как малой, так и великим просторам России. Оба они воспевают родные просторы, красоту родного края, широту родных полей.

Только если В.Е. Молчанов дает нам современный взгляд на родную природу, рисует словом знакомые всем уголки Белгородчины, то И.А. Чернухин раскрывает историю родного края. В его поэзии преобладают мотивы Великой Отечественной войны, дореволюционной России. И сквозь призму тех далеких событий, абсолютного прошлого России, поэт рисует ее современное состояние.

Творчество этих двух поэтов можно рассматривать в сравнительном анализе с точки зрения синхронного (В.Е. Молчанов) и диахронного (И.А. Чернухин) подходов.

Человек поэзии – поэт, друг, любовник, предстает новым героем, отошедшим от этико-эстетических нормативов, порвавшим с официальным обществом, поставившим свое личное выше официально общественного и в противовес официально общественному.

Такой взгляд на лирику поэтов Белогорья также является исследовательской перспективой для литературоведения.

Не менее актуальным, научно интересным станет рассмотрение жанровой системы и форм, используемых белгородскими поэтами при создании стихотворений.

Жанровая эволюция проходит в своем развитии от эпических батальных зарисовок до лирических авангардных стихотворений, лишенных классической рифмы и обладающих лишь ритмической организацией стиха.

Особо отметим, что для современной белгородской поэзии характерна также форма сонета, истоки которой берут свое начало в средневековье.

В творчестве белгородских поэтов сонетную форму использует протоиерей Игорь Кобелев. Но в отличие от поэтов эпохи Возрождения и Нового времени, он наполняет традиционную сонетную форму новым содержанием. Теперь это не только традиционная тема интимной любви, но

также духовные и философические мотивы, приобретающие публицистическую экспрессивность.

Эволюция сонетной формы также может стать перспективным направлением исследования поэтического наследия белгородских авторов.

Специфика художественных систем, специфика типов художественного мышления, наметившаяся при изучении концепции любви в трактовке образа героя, получает веское подтверждение при анализе мотивов «побочных», то есть восприятия героем красоты, а также подход к изображению человеческих чувств.

Таким образом, мы видим, насколько актуально исследование белгородской поэзии. Оно может быть разбито на несколько направлений и исследоваться многоступенчато, поэтапно. Стоит уделить внимание рассмотрению образной системы, исследованию изобразительно-выразительных средств в поэзии, взять во внимание историко-поэтический подход: синхронно-диахронный анализ лирики, а также эволюцию сонетной формы в произведениях белгородских поэтов. Такие задачи делают исследование лирики белгородских авторов востребованным в наши дни.

В заключении необходимо отметить, что в ходе проведенного исследования мы пришли к выводу о специфике концепции любви в поэзии Белгородчины XX – XXI веков, проявившейся на уровне типологии сознания лирического героя, содержательной наполненности самой концепции и жанровых форм ее выражения, была выявлена обусловленность литературной концепции социальными и историческими условиями культурной жизни Белгородского края и всей России.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Историческая подвижность категории жанра // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. – М.: Наука, 1986. – С. 104-116.
2. Аверинцев С.С. Стихи духовные. – Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2003. – 138 с.
3. Балухатый С. Опыт стилистического описания стихотворного произведения // Известия Самарского государственного университета. – Самара: СМГ, 1972. – Вып. 3. – С. 181-184.
4. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. – М.: Худ. лит., 1975. – 504 с.
5. Бахтин М.М. Проблемы речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 389-435.
6. Бройтман С.Н. Историческая поэтика. – М.: РГГУ, 2001. – 320 с.
7. Гете и Шиллер. Переписка. – М.-Л.: Учпедгиз, 1937. – 422 с.
8. Гинзбург Л. Литература в поисках реальности. – Л.: Сов. писатель, 1987. – 400 с.
9. Гинзбург Л. О лирике. – Л.: Сов. писатель, 1974. – 408 с.
10. Гинзбург Л. О литературном герое. – Л.: Сов. писатель, 1979. – 224 с.
11. Гиршман М.М. Литературное произведение. Теория и практика анализа. – М.: Высш. шк., 1991. – 160 с.
12. День православной поэзии. Альманах / А.В. Шацков. – Москва – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2008. – 132 с.
13. Дроздова Н.В. Когда лампа сгорела, перекинулось пламя на свечи // Кобелев И. На рубеже. – Курск: ПБОЮЛ А.В. Бескровный, 2011. – С. 6-10.
14. Жирмунский В.М. Теория стиха. – Л.: Сов. писатель, 1975. – 663 с.

15. Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания / Гринцер П.А. – М.: Наследие, 1994. – 234 с.
16. Кобелев И. На рубеже: стихотворения. Курск: ПБОЮЛ А.В. Бескровный, 2011. – 122 с.
17. Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. – М.: Просвещение, 1972. – 110 с.
18. Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. / А.А. Сурков. – М.: Сов. энциклопедия, 1962-1978.
19. Кулакова И.И. Версификация не нуждается в таланте и вдохновении // Белые кручи. – № 1. – 2006. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.literabel.ru/almanahbelkruchi.html>
20. Куняев С. Сквозь годы печалей, сомнений и бед... // Молчанов В.Е. Звени, осенняя строка...: Стихотворения. – Белгород: КОНСТАНТА, 2007. – С. 5-9.
21. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
22. Литературная энциклопедия: в 11 т. / В.М. Фриче. – М.: Коммунистическая академия, 1929–1939.
23. Литературная энциклопедия: словарь литературных терминов: в 2 т. / Н. Бродский, А. Лаврецкий, Э. Лунин и др. – М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925.
24. Литературный энциклопедический словарь / В.М. Кожевников и П.А. Николаев. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 751 с.
25. Литературная энциклопедия терминов и понятий / А.Н. Николюкин. – М.: Интелвак, 2001. – 1600 с.
26. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. – 1968. – № 8. – С. 74-87.
27. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Искусство, 1995. – 320 с.

- 28.Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – СПб.: Искусство, 1996. – С. 18-252.
- 29.Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
- 30.Малкин Л. Поэзия и жизнь // Чернухин И.А. Стихотворения. Баллады. Поэмы. – Белгород: Отчий край, 2003. – С. 5-14.
- 31.Матюшкин А.В. Проблемы интерпретации литературного художественного текста. – Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2007. – 192 с.
- 32.Михайлов Н.Н. Теория художественного текста. – М.: Академия, 2006. – 224 с.
- 33.Никитин И. Молитва дитяти // День православной поэзии. Альманах / А.В. Шацков. – Москва – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2008. – С. 23.
- 34.Николина Н.А. Филологический анализ текста. – М.: Академия, 2003. – 256 с.
- 35.Новинская Л.П. Введение в стиховедение: метрика, ритмика, строфика, стих и смысл. – Петрозаводск: КГПУ, 2003. – 72 с.
- 36.Молчанов В.Е. Звени, осенняя строка...: стихотворения. – Белгород: КОНСТАНТА, 2007. – 352 с.
- 37.Молчанов В.Е. Стихотворения и поэмы. 1964 – 2000. – Белгород: Крестьянское дело, 2002. – 384 с.
- 38.Протоиерей Игорь Кобелев // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stihi.ru/avtor/kobelev1>
- 39.Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты. – М.: Аграф, 2001. – 384 с.
- 40.Рымарь Н.Т. Теория автора и проблема художественной деятельности. – Воронеж: Логос-траст, 1994. – 222 с.
- 41.Силантьев И. В. Поэтика мотива. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 296 с.
- 42.Сильман Т. Заметки о лирике. – Л.: Сов. писатель, 1977. – 223 с.

43. Словарь литературоведческих терминов / Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – 510 с.
44. Смирнов И. Смысл как таковой. – СПб.: Академический проект, 2001. – 352 с.
45. Сухов Ф. «Учись у них – у дуба, у березы...» // Молчанов В.Е. Стихотворения и поэмы. 1964-2000. – Белгород: Крестьянское дело, 2002. – С. 5-6.
46. Теория литературы: в 2 т. / Н.Д. Тamarченко. – М.: Академия, 2004.
47. Теория литературы: основные проблемы в историческом освещении: в 3 т. – М.: Наука, 1962-1965.
48. Тamarченко Н.Д. Теоретическая поэтика. – М.: Академия, 2004. – 400 с.
49. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 334 с.
50. Тураева З.Я. Категория времени: время грамматическое и время художественное. – М.: Высш. шк., 1979. – 217 с.
51. Тынянов Ю.Н. Литературный факт. – М.: Выс. шк., 1993. – 320 с.
52. Успенский Б. А. Поэтика композиции // Успенский Б.А. Семиотика искусства. – М.: Языки русской культуры, 1995. – С. 7-218.
53. Федоров В. Баллада о святителе Иннокентии // День православной поэзии. Альманах / А.В. Шацков. – Москва – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2008. – С. 115.
54. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. – М.: Лабиринт, 1997. – 448 с.
55. Хализев В.Е. Теория литературы. – М.: Высш. шк., 1999. – 400 с.
56. Чернухин И.А. Берег памяти: стихотворения. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1976. – 70 с.
57. Чернухин И.А. Город надежды: книга стихотворений. – Белгород: ОАО «Белгородская областная типография», 2006. – 320 с.
58. Чернухин И.А. Мозаика века. – Белгород: Крестьянское дело, 2003. – 144 с.

59. Чернухин И.А. Поющая ветка. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1987. – 94 с.
60. Чернухин И.А. Стихотворения. Баллады. Поэмы. – Белгород: Отчий край, 2003. – 444 с.
61. Чичерин А.В. Идеи и стиль: о природе поэтического слова. – М.: Сов. писатель, 1968. – 375 с.
62. Шенгели Г.А. Техника стиха. – М.: Гослитиздат, 1960. – 312 с.
63. Шталь И.В. Поэзия Гая Валерия Катулла. – М., 1977. – 264 с.
64. Эйхенбаум Б.М. Мелодика русского лирического стиха // Эйхенбаум Б.М. О поэзии. – Л.: Сов. писатель, 1969. – С. 327-511.
65. Якобсон Р.О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика / Ю.С. Степанов. – М.: Радуга, 1983. – С. 462-482.
66. Якобсон Р. О. Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. – 275 с.

Приложение

Методическая разработка внеклассного мероприятия по литературе о жизни и творчестве Белгородского поэта Игоря Андреевича Чернухина

«Пока есть дом... Я не умру»

Поэт гордится истоками своими, изначальным происхождением русского народа и своей причастностью к ним.

Мое начало где-то там, в глуби
Славянских сел, истерзанных бедой.

Глубокая любовь к русскому народу, в крови которого «течёт и мужество, и дерзость, и почёт, и доброта», уважение прошлого его присущи лирике поэта. Для И. Чернухина Россия, Русь – не отвлеченное понятие. Оно конкретно. Это родная Белгородчина, где он родился в 1930 году.

Всем известно, что Родина начинается с тех дорогих сердцу мест, где мы родились, где впервые узнали вкус хлеба и запах цветов, слышали задушевные песни и звуки грозы, познали любовь и принесли в дом первый заработанный рубль. На всей земле это самое дорогое для человека место. А для И. Чернухина – это поселок Томаровка. В стихотворении «За Ворсклой» он трепетно говорит об этом крае детства: «Свет наш, родина, память моя».

И.А. Чернухин в воспоминаниях пишет: «Родился я в 1930г. в селе Томаровка Белгородской области». В начале 1940 г. его семья переехала в Западную Белоруссию, откуда в июне 1941 г. Игорю вместе с мамой пришлось эвакуироваться на Урал. Впоследствии поэт признавался, что именно в ту первую военную зиму, зиму больших снегов и морозов, он написал свои первые стихи – неожиданно, под впечатлением от всего происходящего.

С любовью и сыновней нежностью он говорит о своих самых близких и дорогих людях: матери и отце. Через всю свою жизнь он пронёс воспоминания 1941 года об эвакуации из Западной Белоруссии: «Когда из-за леса появились самолёты, мать схватила меня за руку и потащила в приусадебную рожь. Я уткнулся лицом в землю и тут же почувствовал, как мать прикрыла меня своим телом. Она не думала о себе, она спасала, прежде всего, меня. Мама, мама...». Взрослея, он понимает, что для неё, для её любящей души, нет ни края, ни преград. Её приезд на зону к сыну – весна в сердце. «Зачем ты плачешь горько, мама? Твоя любовь меня хранит».

В «Балладе об отце», которую И.А.Чернухин посвящает памяти «старого коммуниста Чернухина Андрея Даниловича», поэт рисует образ настоящего человека, прошедшего все трудности, с какими сталкивалась наша страна в 20-е, 30-е и 40-е годы 20-го века.

Мой отец инвалидом вернулся с войны,
А точнее - из горьких палат госпитальных,
Где немало случалось исходов летальных
Среди послевоенной уже тишины.

Вернувшись с войны, Андрей Дмитриевич с радостью произнёс: «Ну, вот мы и дома! Всё. С войною конец... Отслужил политрук,- и добавил с надеждой,- Мы ещё заживём». Но недолго он жил, усталый, израненный.

Не от старости умер отец мой суровый.

Он от старых почил фронтовых своих ран.

Сыну Игорю отец оставил, по признанию самого поэта, огромное наследство:

Не копил мой отец ничего, никогда,

Но оставил на память он мне, как наследство,

незабвенное, светлое, трудное детство,

Над которым не властны ни тлен, ни года.

А ещё он оставил в наследство мне мир:

И полей тишину, и спокойное небо,

Сладкий запах российского тёплого хлеба,

Мирный свет из окошек знакомых квартир...

«Пять пустынных лет»

Игорь Андреевич Чернухин, получив среднее образование в школе, мечтал стать юристом и решил продолжить учёбу в институте. Он вспоминает: «После окончания средней школы поступил в Харьковский юридический институт. В 1950г., будучи студентом 3-го курса, необоснованно подвергался политическим репрессиям. В 1956 году освобожден специальной комиссией Верховного Совета СССР «За необоснованностью осуждения», реабилитирован. Работал на стройках Белгорода, в редакциях местных газет, в культпросветучреждениях. Закончил Литературный институт имени Горького. С 1964г. – член Союза писателей СССР. Лауреат премии Белгородского комсомола».

Период с 1950-го по 1956-й годы оставил неизгладимый отпечаток в жизни Игоря Андреевича Чернухина.

Будучи студентом, он «вгрызался в суть общественных наук, был в своих суждениях безупречен, в спорах боевит, как политрук», любил стихотворения запрещенного в то время Сергея Есенина – всё это легло в основу «дела», и Игорь был осуждён на «пять пустынных лет». Честный, справедливый, он сильно переживал случившееся; сердце разрывалось от обиды: «Лучше б сразу всё, и: «К высшей мере...», чем позорный номер на спине». Но судьба распорядилась иначе: пересылки, грязные этапы, лагерь, гнёт постылого труда, степь, вышки, собачий лай, незнакомый посёлок, карьер, в котором он колол мёртвый камень на щебень, опустившись в глубокий забой. Но ничто не могло убить в нём душу, человечность, доброту и любовь к Родине, к родному дому:

Молот мой, хоть тяжёлый, но меткий,

Бьёт и бьёт... Сатанеет жара,

А потом я грузу вагонетки,

Тяжело их качу на-гора.

-ты катись выше, злая судьбина,
(Я подставлю худое плечо!),
Нет, души ты во мне не убила,
Обожгла лишь её горячо.

Этому периоду жизни Игорь Андреевич Чернухин посвящает стихотворения «Жарким летом 1951-го», «Вера», «Надежда». Почему поэт именно так называет свои произведения? Догадаться не трудно. Потому что всегда в его сердце жили и вера, и надежда, и «первозданная жажда любви»! Чернухин верил, что вернётся под тихий дождь, под родные белые берёзы на Белгородчину:

И буду жив той верой, что на свете
Нет Родины печальней и светлей.

Эту любовь к Родине, к России он завещает потомкам, всем будущим поколениям:

Не сдавайся!
Взойдёт твоя над Родиной звезда.
Ты только никогда не расставайся
С надеждой и друзьями, никогда...

«Это памяти жаркие блики»

С огромной любовью, нежностью, гордостью и большой теплотой пишет поэт о родном селе, о речке Ворскле, о железной дороге.

...Ворскла, Ворскла, тихая речонка,
Ты в моей останешься судьбе...

И поэзия родного края пронизана чувством беспредельной благодарности.

Белый город...
Вы, края,
Что меня растили,
Вы учили петь меня
И любить Россию.
Петь по – русскому, своё,
И любить по-русски.

На Белгородчине проходило его трудное военное детство, началось время возмужания, здесь он становится поэтом.

Любовь к родной земле, вера в ее святость помогли поэту выжить в самые трудные моменты, чувствовать себя человеком. Когда ему было 11 лет, началась Великая Отечественная война. И память навсегда сохранила дни лишений, человеческую боль и горечь от невозполнимых утрат, а еще она, память, постоянно воскрешает события тех грозных лет. В стихотворении «В тот год» поэт пишет о начале военного лихолетья.

И я, пожалуй,
И я на трудностях мужал...
В тот год

Надрывно бабы плакали
По уезжающим мужьям.

Война стала одной из важнейших тем в творчество поэта. Это тема широко представлена во многих стихотворениях: «Четыре года», «Мама писем ждала от отца с войны...», «У памятника», «Прохоровка 12 июля 1943 года», «Берег памяти», в поэме «Третье Поле».

Стихи И. Чернухина связаны с его личными воспоминаниями, с жизнью его семьи, в них всегда присутствует свой мир чувств, своя интонация, свое собственное восприятие мира. В «Балладе об отце» – факты собственной автобиографии, душевная боль от осознанности реальной действительности.

Детская память запечатала все подробности, поэт дополняет правдивые картины конкретными деталями: «ящик с замком», «почтальон», «эшелон с Ельни», «госпитали», «солдатский концентрат...»

Мама писем ждала от отца с войны-
Четыре тяжелых года, четыре вины.
Ждала молчаливо, не плакала
И не кляла судьбу.
В те годы четыре морщинки
У мамы легло на лбу.

Годы войны, военное детство, зверский голод, страшная нужда, жгучая боль и горечь невосполнимых утрат – вот то, что довелось испытать каждому человеку, в том числе и поэту. В своих стихах он часто возвращается в то далекое, трудное и горькое время.

И я, пожалуй, видел всякое,
В тяжелый год
Взрослел, мужал...
Входила в сумрачную слякоть
В наш дом названная нужда,
И суп делила несоленый,
Делила пресный хлеб пайка,
Стелила жесткую солому
Под наши детские бока.

Суровое, грозное время рождало у поэта высокое чувство гражданственности, ответственности за будущее страны.

В то время встает перед молодым поколением трудный вопрос: каким быть каждому, в чем смысл и ценность жизни. И поэт дает ответ не только от себя лично, но и от целого поколения.

Не белоручками росли мы,
Навстречу выходя ветрам...
В тот год
Солдатская Россия
Вручала будущее нам.

Поколение поэта сохраняет верность отцовским идеалам.

Мы вышли в жизнь – как молодая поросль,
Неся в крови отцовскую мечту.

В истории родной Белгородчины немало славных военных страниц. Но такого года, какими стал 1943-й, не знавал старинный Белгород. Грозный и победный год, когда весь мир облетела весть о битве на Курской дуге. Семь недель длилась она. Более четырех миллионов человек участвовало в сражении. Жестокие бои на Огненной дуге, на Прохоровском танковом поле, как его теперь называют, решили исход крупнейшей операции войны. Этому сражению Игорь Андреевич посвящает поэму «Третье поле».

Поэма глубоко исторична. И в ней звучит сыновняя боль и забота о судьбе страны. Отчетливо ощущаешь, читая поэму, что понятие Россия для поэта в этот момент сделалась многостороннее и глубже. В ней звучит обращение и историческому прошлому, гордость за славную юность дедов и отцов, которые защищали от врагов край родной.

Российский люд в свободу верил свято.

Стояли деды насмерть в смутный час,

И метил их суровый век двадцатый

То пулею, то саблею не раз.

Особой лиричностью и эмоциональностью отличаются в поэме сцены перед боем. Здесь остро чувствуется тоска по мирной, счастливой жизни, огромная до боли любовь к родному краю.

Третье лето.

Жара и затишье.

Приуныли, остыли бои.

Отцвели и осыпались вишни,

Вечерами гремят соловьи.

Отоспались немного солдаты,

Отдохнули от бед и тревог.

Интересен и необычен в поэме образ генерала Ватутина. Он показан не только умным полководцем, заботящимся о жизни солдат, но и человеком, защищающим свой родной край, отчий дом – деревню под Валуйками на Белгородчине. И как контраст мирному затишью, в поэме резкий и неожиданный переход к началу великого сражения. Не описывая целиком всю битву, поэт зримо воссоздает картину боя. Возникает перед нами широкая панорама крупнейшего за годы Великой Отечественной войны сражения;

Но в июле вдруг пятого дня

Все смешалось еще до рассвета:

Гул орудий и море огня.

Защищалась земля, загудела.

Напряженность боя, ширь и размах его, ответственность за судьбу Родины, патриотизм советских людей – все слилось воедино и показано поэтом искренне и правдиво всего в нескольких строчках.

Шел бой святой от моря и до моря,

Топтал фашист священные поля.
И ненавистью вместе с тяжким горем
Перепожнялась русская земля.

Повторение слов «святой», «священный» только усиливает значимость и необходимость подвига советских солдат.

Точными, выразительными словами описывает автор разгар сражения: «море огня», «земля горит». Дополняет новыми понятиями и конкретными словесными определениями: «горит небосвод», «меркнет солнце», «смешалось железо и поле», «смешалось небо черное с землей», «липкий пепел», «серая зола».

Навечно сроки из поэмы «Третье Поле» легли на граните Мемориала «Курская дуга»:

Это поле победы суровой
Для потомков по праву равно –
Полю ратному Куликову,
Ратным доблестям Бородино.
Здесь, под Прохоровкой, в сорок третьем,
Смерть презрев, по сигналу атаки
Шли солдаты наши в бессмертье,
Становились бессмертными танки.

В этих строчках поэмы гимн нескгибаемому мужеству советских людей, гордость за родную землю, политую кровью, но выстоявшую, радость великой победы.

Стихотворение «Белгород. Август 1943 года» хронологически как бы продолжает сражение под Прохоровкой на Огненной дуге. Ясно и до боли правдиво рисует поэт картину разрушенного фашистами города. Для нашего поколения – это история, но когда читаешь стихи Игоря Чернухина, то ясно видишь и разрушенный город, и сгоревшие в поле хлеба, и страдания людей, при этом ощущаешь горькую участь белгородцев и понимаешь свою причастность к происходящему.

Дымятся руины...
Из грязных подвалов
Плетётся гуськом уцелевший народ.
Осталось в живых в этом городе мало.
А вот кто остался, - Он еле идёт.
Дождя бы,
Но эти руины квартировы,
В которых с великим трудом узнаёшь,
Где улица Красная, улица Кирова,-
Кварталы щебёнки, развалины сплошь.

Строки о долгом военном времени, о людях, перенёсших все его тяготы и лишения, проникнуты вдохновенной верой в несокрушимую силу народа, отстаивающего правое дело, гордостью за его непоколебимую стойкость,

верой в победу добра и справедливости. Вслушаемся в стихотворение «Четыре года»:

Четыре года гуси плакали,
Узрев однажды с вышины
Дома, пылавшие, как факелы,
Дымы багровые войны...
Четыре года скрежет стали...
До облаков пожар сплошной...
... А гуси
Всё же прилетали
Как и положено, весной.

«Жива святая Русь»

Чем больше читаешь стихи Игоря Чернухина, тем больше убеждаешься в том, что они написаны человеком талантливым, тонко чувствующим многообразные оттенки звучания слова, обладающим богатым жизненным опытом, широким поэтическим кругозором, искренней любовью к своему родному краю, к Родине.

Гордость за русский народ, за Россию, победившую в Великой Отечественной войне, а вместе с тем гордость за родную Белгородчину, являющуюся островком любви в собственном сердце, неповторимую и непобеждённую,- эта тема постоянно присутствует в его творчестве. И когда читаешь строчки стихотворения о родном Белом городе, невольно чувствуешь себя его частицей, ощущаешь, что ты живёшь в мире людей, гордишься своим городом и бесконечно любишь его.

Жив твой Белый город, жив-
На огнях пылавший
Тьму врагов он пережил
Пять веков, мой пращур...
Город ратный, трудовой-
Лебедь величавый,
Вольный город твой и мой,
Город русской славы,
И стоять ему века
Молодым и сильным...
Быть и быть ему, пока
Есть земля – Россия.

И остается светлое чувство от поэзии Игоря Чернухина. И понимаешь, что жизнь удивительна, и каждая встреча с творчеством поэта преображает, делает чище, добрее, мудрее и мужественнее.

И светло мне, и сладко, и грустно
Жить на этой земле не спеша,
Где глаза затуманились Русью
И приблизилась к звездам душа.

Стихи И.А. Чернухина, наверное, нужно воспринимать как дневник войны. Они многогранны. В его лирике не только ужас войны, но и источник радости, вера в святость и непогрешимость Родины, вера с себя и людей. Память о подвиге в Великой Отечественной войне - это неразделимость с современностью. Этим дороги и интересны для нас стихи белгородского поэта И.А. Чернухина

И музыка плыла над Белогорьем –

И возвращала чистые слова:

- Жива святая Русь...

Жива Россия!...

Горят её, сияют купола.